
ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1970
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

7 декабря 1970 года состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклады заместителя Председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1971 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О Государственном бюджете СССР на 1971 год».

Пленум ЦК КПСС решил созвать очередной XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза 30 марта 1971 года.

В заключение на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум ЦК КПСС принял по обсуждаемым вопросам соответствующие постановления.

На этом Пленум ЦК закончил свою работу.

Постановление Пленума ЦК КПСС

О ПРОЕКТАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЛАНА РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА СССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО БЮДЖЕТА СССР НА 1971 ГОД

Одобрить в основном проекты Государственного плана развития народного хозяйства СССР и Государственного бюджета СССР на 1971 год.

Поручить Совету Министров СССР внести на рассмотрение Верховного Совета СССР проект плана развития народного хозяйства СССР и проект бюджета СССР на 1971 год.

Постановление Пленума ЦК КПСС

О ДАТЕ СОЗЫВА XXIV СЪЕЗДА КПСС

Созвать очередной XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза 30 марта 1971 года.

ВТОРАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ВОСЬМОГО СОЗЫВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 50 (2267)

12 ДЕКАБРЯ 1970

Основан 1 апреля 1923 года

8 декабря в Кремле депутаты высшего органа государственной власти нашей страны собрались на сессию Верховного Совета СССР. Утром на раздельных заседаниях палат была утверждена повестка дня сессии:

1. О Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1971 год.

2. О Государственном бюджете СССР на 1971 год и исполнении Государственного бюджета СССР за 1969 год.

3. О проекте Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик.

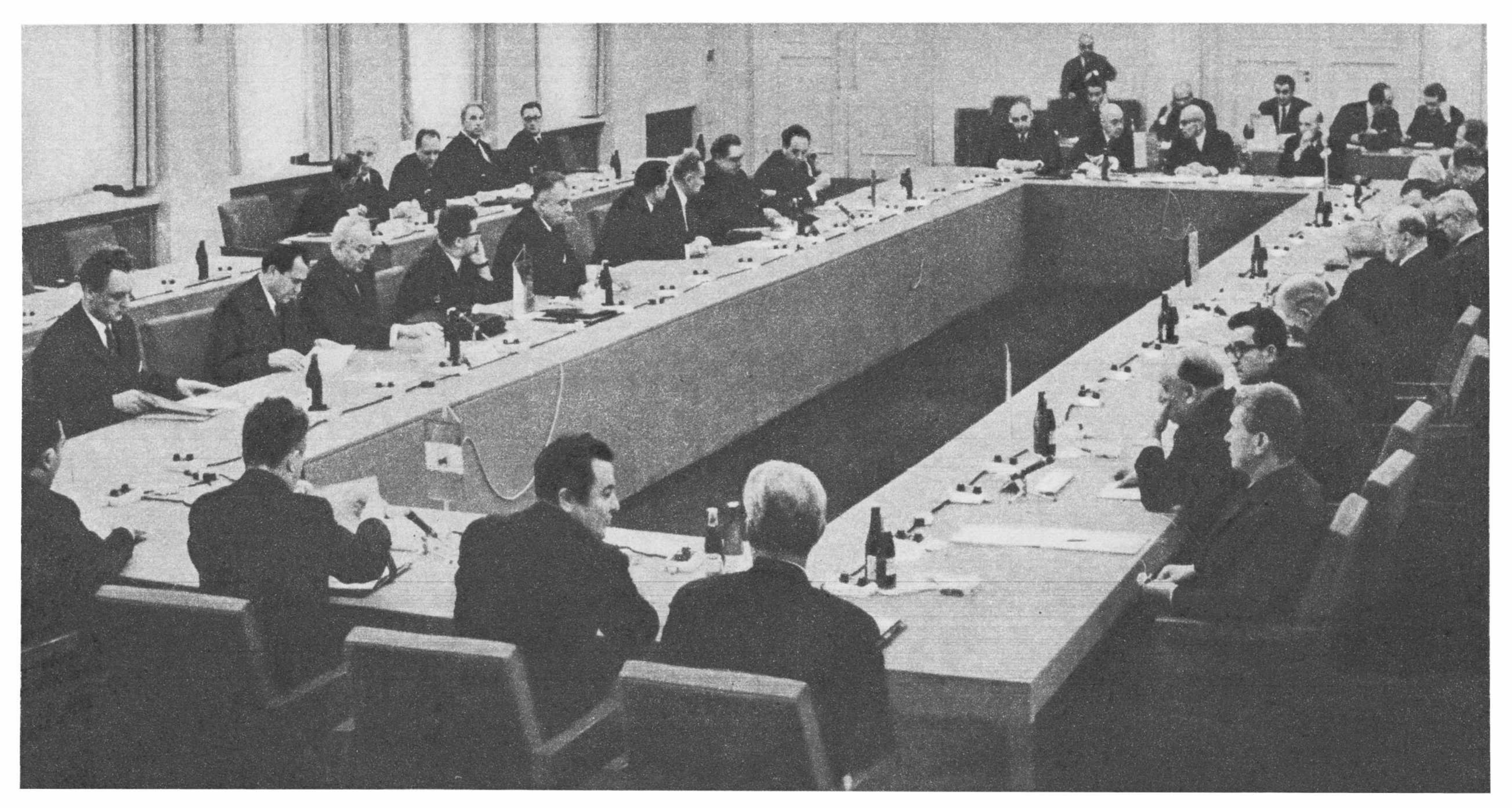
4. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.

В 12 часов дня в Большом Кремлевском дворце открылось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей. Бурными продолжительными аплодисментами депутаты и гости встретили появление в ложах товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгина, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорного, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, П. Е. Шелеста, Ю. В. Андропова, В. В. Гришина, П. Н. Демичева, Д. А. Кунаева, П. М. Машерова, В. П. Мжаванадзе, Ш. Р. Рашидова, Д. Ф. Устинова, В. В. Щербицкого, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева, Ф. Д. Кулакова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

По первому вопросу повестки дня — о Государственном плане развития народного хозяйства СССР на 1971 год — с докладом выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР, депутат Н. К. Байбаков. По второму вопросу повестки дня — о Государственном бюджете СССР на 1971 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1969 год — выступил министр финансов СССР, депутат В. Ф. Гарбузов.

На снимке: Москва. 8 декабря 1970 года. Большой Кремлевский дворец. Совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей второй сессии Верховного Совета СССР.

Фото А. Устинова и М. Скурихиной.

Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

ВАЖНЫЙ ВКЛАД В ДЕЛО

Делегация Советского Союза на Совещании Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора
Телефото А. Стужина и В. Мусаэльяна (ТАСС).

2 декабря в Берлине состоялось Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. В совещании приняли участие делегации Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии, Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики.

Участники совещания, прошедшего в обстановке дружбы, братского сотрудничества и полного единодушия, обсудили следующие вопросы:

— об укреплении безопасности и развитии мирного сотрудничества в Европе;

— об обострении обстановки в районе Индокитая;

— о положении на Ближнем Востоке;

— об агрессии колонизаторов против Гвинейской Республики.

Принятые по этим вопросам документы подписали руководители братских партий и правительств государств — участников Варшавского Договора: Первый секретарь ЦК

МИРА

Болгарской коммунистической партии, Председатель Совета Министров Народной Республики Болгарии Тодор Живков, Первый секретарь ЦК Венгерской социалистической рабочей партии Янош Кадар и Председатель Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства Ене Фок, Первый секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, Председатель Государственного совета Германской Демократической Республики Вальтер Ульбрихт и Председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф, Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка и Председатель Совета Министров Польской Народной Республики Юзеф Циранкевич, Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Председатель Государственного Совета Социалистической Республики Румынии Николае Чаушеску и Первый заместитель Председателя Совета Министров СРР Илие Вердец, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза Л. И. Брежнев и Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии Густав Гусак и Председатель правительства ЧССР Любомир Штроугал.

Совещание явилось новой демонстрацией дальнейшего укрепления братских связей и всестороннего сотрудничества между социалистическими странами.

СОБЫТИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

Николай БРАГИН

Крупнейшим событием в международной жизни на исходе 1970 года явилось состоявшееся 2 декабря в Берлине Совещание Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи. Его итоги ныне широко обсуждаются на страницах мировой печати, в политических и общественных кругах всего мира. И это вполне естественно и закономерно, ибо в документах Совещания дается не только всесторонний анализ важнейших международных проблем, но и содержится конструктивная программа их решения в интересах всеобщего мира и безопасности народов.

Главный вывод, к которому приходят в оценке итогов Совещания миролюбивые силы планеты, сводится к следующему: социалистическое содружество в наше время оказывает все большее воздействие на весь ход исторического развития.

Поэтому даже наиболее ярые проповедники политики с «позиции силы» не рискуют с открытым забралом атаковать предложения социалистических стран по укреплению мира и безопасности народов. Как показала состоявшаяся в Брюсселе сессия НАТО, «ястребы» этого агрессивного блока вновь прибегают к излюбленной тактике запугивания своих партнеров мнимой «советской угрозой» и ссылкам на то, что, дескать, условия для решения ряда проблем еще «не созрели». Несостоятельность подобной позиции очевидна для любого объективного наблюдателя на Западе. Не потому ли ряд министров иностранных дел в Брюсселе, несмотря на увещевания Роджерса и Лэйрда, высказались за то, чтобы не отмахиваться от предложений социалистических стран, а последовать их призыву к быстрейшему созыву общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества.

Большое внимание на Совещании Политического консультативного комитета было уделено современному положению в Европе, где благодаря усилиям социалистических стран за последнее время обстановка изменилась к лучшему и созданы условия для практического осуществления принципов мирного сосуществования государств с различным общественным строем. Мирное будущее европейского континента должно основываться на признании положения в Европе, сложившегося в итоге второй мировой войны и послевоенного развития, признании нерушимости нынешних границ и отказе от применения силы в отношениях между государствами. Само собой разумеется, что прочное здание мира в Европе нельзя построить без участия ГДР. Это с новой силой было подчеркнуто на совещании в Берлине.

Советский Союз и другие социалистические страны высказались за быстрейшее проведение общеевропейского совещания, которое явилось бы крупным этапом на пути упрочения мира в Европе. Как подчеркивают в своих комментариях многие органы печати Западной Европы, участники встречи в Берлине убедительно показали, что для проведения такого совещания созданы достаточные предпосылки и нет никаких оснований медлить с его созывом или выдвигать какие-либо предварительные условия, как это делалось, например, в Брюсселе на натовском сборище.

Как признает газета «Вашингтон пост», Советский Союз и другие социалистические страны, «выразив намерение продолжать движение в сторону ослабления напряженности в Европе», твердо заявили также о своей готовности всемерно способствовать политическому урегулированию обстановки в районе Индокитая и на Ближнем Востоке.

Участники берлинского совещания, решительно разоблачив всю фальшь и лицемерие так называемой программы «мирного» урегулирования во Вьетнаме, проповедуемой президентом США, гневно осудили новые акты агрессии Вашингтона против ДРВ, дальнейшее расширение «грязной войны» США на Индокитайском полуострове. Действуя в духе пролетарского интернационализма, Советский Союз и другие братские страны будут и впредь оказывать всемерную поддержку народам Индокитая в их героической борьбе против интервентов. Вашингтонским политикам давно пора понять, что на пути военных авантюр во Вьетнаме их неминуемо ожидают новые провалы, новые неудачи.

С чувством огромного удовлетворения воспринята народами арабских стран выраженная участниками берлинского совещания готовность и дальше всемерно поддерживать их справедливую борьбу против израильских захватчиков, за освобождение оккупированных агрессором арабских земель. «Политический консультативный комитет,— подчеркивает египетская газета «Аль-ахбар»,— решительно выступает за необходимость установления прочного мира на Ближнем Востоке на основе политического урегулирования».

Участники совещания решительно осудили агрессию против Гвинейской Республики и другие преступные акции империалистов и неоколонизаторов. Они подтвердили свою солидарность со справедливой борьбой гвинейского народа и всех африканских народов за свободу и прогресс, за полное осуществление Декларации ООН о предоставлении независимости колониальным странам и народам.

Все народы, ведущие борьбу за свою свободу и независимость, видят в Советском Союзе, в социалистическом содружестве своего надежного друга и союзника, главную силу всего антиимпериалистического движения. Вместе с народами социалистических стран они горячо одобряют итоги берлинского совещания.

ТРУЖЕНИКИ ДЕРЕВНИ УСПЕШНО ЗАВЕРШАЮТ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ГОД.

ВЫРАЩЕН САМЫЙ ВЫСОКИЙ УРОЖАЙ ЗЕРНОВЫХ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НАШЕЙ СТРАНЫ.

ОТЛИЧНЫМ БУДЕТ НЫНЕ СОВЕТСКИЙ КАРАВАЙ!

СОТНИ ФАБРИК И ЗАВОДОВ ПИЩЕВОЙ И МЯСО-МОЛОЧНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИЛИ ПЯТИЛЕТКУ. НАШИ ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТЫ ПОБЫВАЛИ НА ДВУХ ТАКИХ ПРЕДПРИЯТИЯХ:

1 **...Роза Никитична Сухарева, начальник смены с московского хлебозавода № 15:**

— Эти батоны идут уже в счет девятой пятилетки...

2 ...Тамара Васильевна Сергеева, старший мастер отделения по производству сливочного сыра:

— Наш комбинат, Останкинский, до конца года даст сверх плана еще одиннадцать тысяч тонн молока, сыра...

В 1970 ГОДУ БУДЕТ ВЫРАБОТАНО БОЛЬШЕ, ЧЕМ В 1965 ГОДУ:
цельномолочных продуктов — на 66 процентов, сыра и брынзы жирных сортов — на 55 процентов.

НА 27 ПРОЦЕНТОВ

ВОЗРОС ЗА ТЕКУЩУЮ ПЯТИЛЕТКУ ВЫПУСК ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ МИНИСТЕРСТВА ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР.

Фото Б. Кузьмина и А. Награльяна.

Корреспонденты «Огонька» рассказывают о воплощении в жизнь Директив XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР.

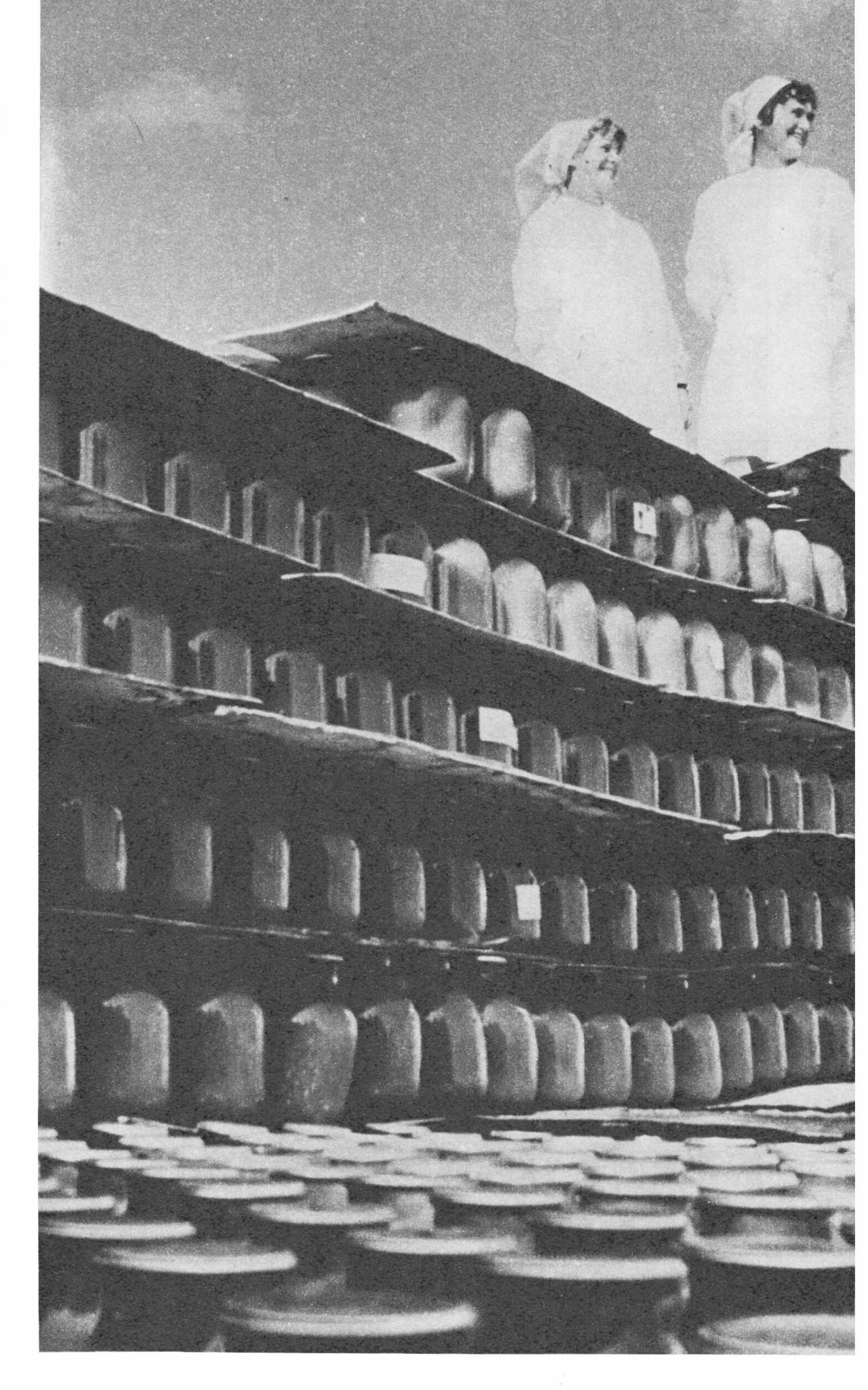
«МОЛДАВСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА... Увеличить объем производства... консервов. Увеличить производство винограда, фруктов, овощей...» — так сказано в Директивах.

МИЛЛИАРД ДЛЯ КОЛЛЕКЦИИ

5.850.000.000

банок плодоовощных консервов выпущено в нынешнем году на предприятиях Министерства пищевой промышленности СССР. Рост за пять лет — почти в 1,7 раза.

Один из крупнейших поставщиков фруктов, овощей, консервов — Молдавия. Из этой солнечной республики наш репортаж.

Растет гора томатная.

О. КУПРИН,

специальный корреспондент «Огонька»

На вашем столе — фрукты. Рекламы советуют пить томатный сок. По календарю — зима, но вы каждый день возвращаетесь в лето и осень. Наш репортаж о тех, кто помогает вам в зимний день ощутить знойное солнце, когда-то позолотившее персики и груши, покрывшее румянцем помидоры и яблоки. Почему мы публикуем такой репортаж сегодня? Да потому, что раньше просто не могли его сделать! Природа не позволяла. Только к осени вкусное, ароматное сырье пошло в дело.

* * *

В Тирасполе на заводе имени 1 Мая не работало два цеха: нет сырья.

Валентина Андреевна Филатова мрачнее тучи и на мои вопросы отвечает односложно.

— Почему так получилось?

— Потому что вчера и позавчера был дождь.

А сегодня на небе ни облачка.

— Вот вам все возможности и условия!

Сколько обиды и горечи в этих словах! И еще скрытый упрек в мой адрес, точнее, в адрес всей пишущей братии. Фраза, которую она произнесла,— из сегодняшней газеты. Автор статьи утверждает, что «у консервщиков есть все возможности и условия для выполнения плана».

И, видимо, без большой охоты Валентина Андреевна отправилась с нами в поездку по консервным заводам, хотя путешествие это ей было как нельзя кстати: Филатова работает начальником производственного отдела Главконсервпрома Министерства пищевой промышленности Молдавии, и дел у нее на заводах предостаточно.

— А дочка, наверное, соскучилась.— Я хочу отвлечь Филатову от грустных мыслей.

В дороге мы долго говорили о детях, и трудно было не заметить, что эта тема очень трогает нашу спутницу и настраивает ее на веселый лад.

— Да, скучает... А теперь я только на минуточку заскочу на завод имени Ткаченко. Вы подождите, хорошо?

Завод имени Ткаченко сегодняшняя газета критиковала особенно остро и, судя по настроению, с которым Филатова вернулась, критиковала справедливо. Не так-то просто оторвать человека от грустных мыслей.

— Теперь поедем в колхоз? — предложил я.

— Как хотите,— отозвалась она и всю дорогу молчала.

Через полчаса мы сидели в кабинете председателя колхоза имени Мичурина. Натан Нафталиев — председатель молодой, раньше был бригадиром и прославился высокими урожаями помидоров.

— Да, урожайность растет,— говорил Нафталиев и называл цифры, которые были раза в полтора больше средних по району.

— Куда идут ваши помидоры?— спросил я.

— Как у всех. В «Молдплодовощ» сдаем, а оттуда — по всей стране рассылают наши томаты. И на консервные заводы.

Филатова, присутствовавшая при этом разговоре, молчала. Мы не представили ее председателю, и он, видимо, принял нашу спутницу тоже за журналистку.

— Подводите вы, говорят, консервщиков,— заметил я и глянул на Филатову, но она по-прежнему была во власти своих невеселых дум и, кажется, не прислушивалась к нашей беседе.

— Дожди два дня были,— оправдывается Нафталиев,— а потом вчера одну машину нам с завода вернули.

— Как вернули?! С какого завода? — вспыхнула Валентина Андреевна.— Когда это произошло?

— Можно точно узнать, накладная у бригадира, там все сказано.— Председатель колхоза недоверчиво покосился на необычную «журналистку».

— Если все так и было, то это вопиющее безобразие! — горячилась Валентина Андреевна, пока мы ехали в бригаду.— Я же дала указание: принимать все и без задержки. Сейчас же вернемся в Тирасполь. Вот только узнаем и вернемся. Хорошо?

Сколько энергии, колоссальной заинтересованности в своем деле у этой женщины! Я много раз встречал руководителей, вот так же страстно относящихся к своей работе, каждую производственную неудачу переживающих как большое личное несчастье, но тут было что-то особенное. Что именно? Пожалуй, совсем неруководящий вид. Начальнику произ-

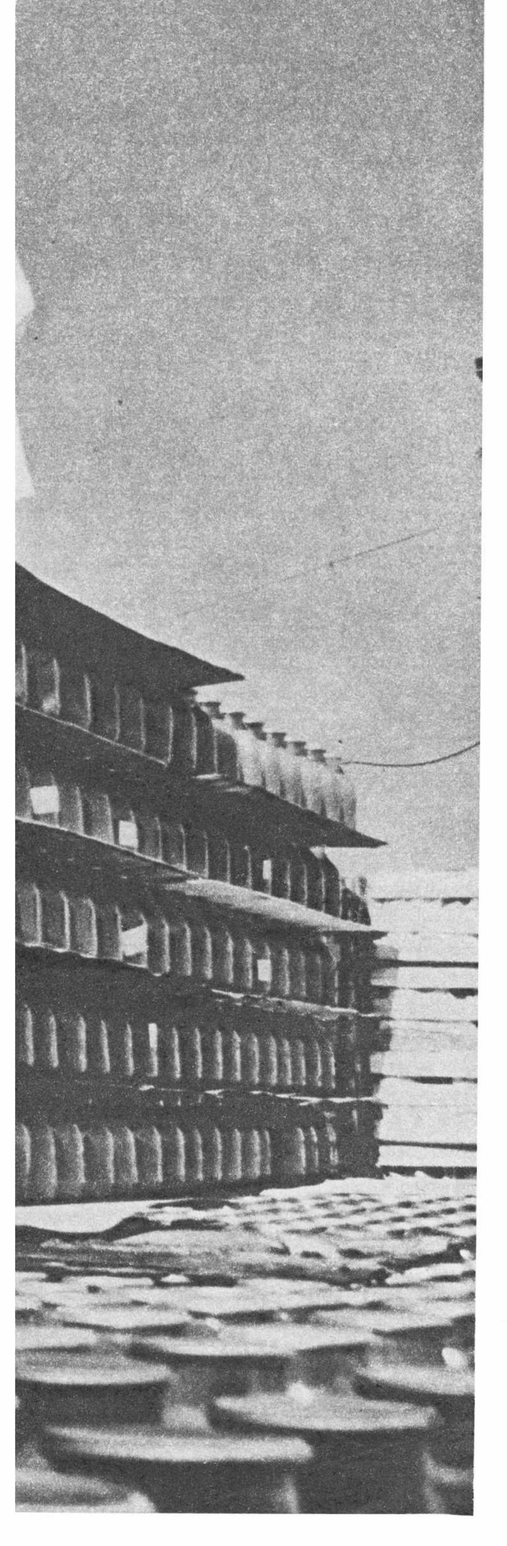

Фото Г. Копосова.

водственного отдела лет тридцать. Невысокого роста, стройная, хрупкая. Со вкусом одета. Красивая прическа. Словом, женщина есть женщина.

Однако в Тирасполь возвращаться не пришлось. Машину вчера действительно вернули с завода, но это было недоразумение, и сегодня утром все уладилось без вмешательства свыше.

В колхозном саду шла уборка яблок. Валентина Андреевна сбросила модные туфельки и с азартом работала вместе с колхозницами. Люди там была отличная. Работа в саду спорилась, росла горка ящиков, наполненных румяными, душистыми яблоками. И когда мы, выяснив все свои журналистские дела с бригадиром Павлом Ткачем, собирались ехать дальше, то увидели совсем другую Филатову — уставшую, но веселую. Вот какие чудеса может творить работа, когда она спорится.

— Вы знаете, у нас в отделе сплошь женщины. И надо же, все одного роста. Честное слово! Сто пятьдесят восемь сантиметров.— И она заразительно засмеялась.— Теперь на «Октябрь», да? У меня завтра маленький юбилей. Четырнадцать лет назад я пришла в консервную промышленность. И начинала как раз на «Октябре». Смешно вспоминать. Я тогда ростом еще меньше была. Меня спросили на заводе: «А у тебя, девочка, паспорт-то есть?» Показываю паспорт, а мне говорят: «Такая маленькая и с такой крупной фамилией». Прежняя фамилия моя — Большевская.

Потом Большевская стала Филатовой, а робкая лаборантка — главным технологом завода. Институт окончила, училась заочно, так интересно оказалось на заводе, что не могла Филатова покинуть его даже ради студенческой скамьи.

До «Октября» дорога неблизкая, но она не показалась долгой, потому что разговор наконец наладился, и за какие-нибудь полсотни километров я узнал массу интересного о консервной промышленности и ее работниках.

Узнал, например, что в Молдавии вырабатывается 168 видов консервов, что для удовлетворения нужд самой Молдавии хватает всего пяти процентов продукции, остальные девяносто пять вывозят в другие республики и за границу. Узнал, что больше всего делают в Молдавии соков и меньше всего повидла. Не пользуется повидло нынче спросом, а жаль: в нем содержится большое количество пектина, очень нужного организму вещества. От пектина зависит свертываемость крови, он не допускает авитаминозов и делает организм стойким перед некоторыми очень опасными отравлениями. И еще я узнал, что зеленый горошек — самая динамичная продукция. Именно динамичная, потому что уборка этой культуры проходит стремительно — за десять — двенадцать дней. Столько же отводится консервщикам на горошечную страду, потому что срок хранения урожая короток: горох в стручках может ждать обработки не больше восьми часов, а без стручков — лишь четыре. В этом году горошечный штурм прошел успешно — выпущен 61 миллион банок.

Филатова буквально забросала нас цифрами. Она ни разу не сказала «примерно», или «около», или «почти» — все точно, не заглядывая в записную книжку и не напрягая памяти. На Григориопольском заводе Валентина Андреевна вдруг спросила у главного инженера, продали ли они цистерну, которая стоила 4 600 рублей. Оказалось, что цистерна уже продана, а Филатова потом абсолютно искренне сокрушалась:

— Ну скажи на милость, зачем мне надо помнить, сколько стоит эта дорогая цистерна, которая не нужна в нашем производстве? Так нет же! Услышала цифру — и сидит она в голове. У меня странное увлечение — коллекционировать цифры.

За время нашей поездки в коллекции Валентины Андреевны наверняка прибавилось еще несколько цифр, не относящихся к консервному производству. Что поделаешь, если у человека такая натура. Но она наверняка запомнила, что рекордный урожай ранних помидоров в бригаде Нафталиева был в 1968 году 980 центнеров с гектара, что в Котовском районе за пять лет урожайность винограда выросла в два с лишним раза (так нам сказал главный агроном районного сельхозуправления Иван Гроян).

Так за разговорами добрались мы до завода «Октябрь», чтобы посмотреть новинку — контейнеры. Пока специалисты-конструкторы ищут принципиально новое решение транспортировки сырья (примем на вооружение язык консервщиков, коль о них идет речь), заводские выдумщики применили у себя самодеятельную механизацию. Мы посмотрели новинку в действии, и, видимо, заразившись страстью коллекционировать цифры, я подсчитал: на погрузку одного контейнера расходуется всего две минуты.

Мы выпили за здоровье заводских изобретателей по стакану отличного вишневого сока с мякотью и отправились дальше — в Бендеры. И опять дорога не показалась нам длинной, потому что встреча с заводом, где четырнадцать лет назад маленькую девочку недоверчиво спросили, есть ли у нее паспорт,— эта встреча настроила строгого начальника производственного отдела на воспоминания. Но в результате этих сугубо личных воспоминаний мы все-таки выяснили, что за эти четырнадцать лет производство консервов в Молдавии выросло в четыре раза.

Еще мы хотели узнать, почему все-таки наша спутница не любит журналистов.

— Однажды звонит мне один корреспондент,— говорит Филатова,— спрашивает, почему мы не выпускаем морковного сока. Я ему объясняю, дескать, так и так, нет у нас сырья для такой продукции. На том и закончился разговор. А через несколько дней — статья: «Филатова пренебрегает интересами детей и больных, нуждающихся в диетическом питании». Словом, кошмарный и бессердечный Филатова человек. Как бы вы к этому отнеслись?

— А как к этому отнеслись вы? — спрашиваю.

— Очень просто. Послала запрос в Министерство сельского хозяйства: достаточно ли в республике производится моркови для того, чтобы организовать производство морковного сока?

Какой ответ пришел из министерства, я узнать не успел, потому что машина уже стояла у ворот Бендерского завода. Завод этот — головное предприятие консервного объединения имени Калинина.

Директор объединения К. П. Новодережкин был в отъезде. И когда?! В конце лета, в разгар страды. Значит, предприятие это крепкое и порядки тут заведены строгие, коль директор может позволить себе уехать в такую пору. Все это, разумеется, было подтверждено цифрами. Проценты по всем производственным показателям — больше ста. В предсъездовских обязательствах значится, что годовой план завод выполнит досрочно и произведет дополнительно 2 миллиона банок консервов.

Транспарант у входа дал нам понять, что мы попали на предприятие высокой культуры производства. Это было ясно и без транспаранта. Завод — он не самый новый в республике — выглядел очень свеженьким и нарядным. Поскольку нашим гидом оказался главный инженер объединения А. П. Брохман, то прежде всего мы изучили новую технику. И опять, как на «Октябре», многое было сделано руками местных товарищей. Но предмет самой большой гордости — автоматические электронные весы, сработанные в Армении.

— Старые весы мы выбросили,— говорил главный инженер,— сожгли корабли, чтобы никогда не возвращаться к кустарщине. А теперь посмотрите.

Зажегся зеленый глазок светофора — на весы въехал грузовик. Зажглось табло, как на стадионе: 3 270. Столько весит машина с грузом. В будке рядом что-то щелкнуло — это самописец отпечатал на ленте вес, номер машины, дату и время взвешивания. Быстро и четко!

Обстановка тут не идеальная — из-за дождей сырья поступило гораздо меньше, чем требуется,— но Бендерское объединение выходило не из таких трудных положений. Главный инженер считает, что и сейчас никакой катастрофы не произошло. Словом, все на заводе идет нормально, ни разу коллектив не обделили знаменами и грамотами, за честь своей марки здесь постоять умеют. И тут пришло время рассказать об одной истории, которая проливает свет на некоторые деловые и моральные качества бендерских консервщиков.

В тридцати километрах отсюда расположен Ново-Аненский завод. Последние пять лет этот завод стабильно не выполнял плана и столь же стабильно давал крупные убытки. Когда в Бендерах начали строить еще и пектиновый завод, возникла идея создать объединение: пусть бендерский передовик возьмет под свою опеку соседа-новосела и ново-аненского аутсайдера. Со строящегося новосела пока, как говорится, взятки гладки, а вот аутсайдер должен был крепко испортить столь благоприятную подборку экономических показателей, которой в Бендерах очень гордились и за которую получали все награды. Такое неприятное для Бендер укрупнение произошло в начале нынешнего года. И тут-то передовик и показал, что он не только может ходить в атаки, но и умеет выходить из, казалось, безнадежного окружения. В Новые Анены были срочно откомандированы лучшие специалисты, мобилизованы все банковские ссуды и средства, которыми располагал Бендерский завод, и до начала сезона в считанные недели и месяцы проведена реконструкция ново-аненского производства. Коренные новоаненцы изумлялись таким непривычным темпам, но водоворот событий, устроенный бендерскими «варягами», не мог не захватить и их. Я употребил тут военную терминологию, потому что в то время в Новых Аненах стала популярна фраза, сказанная кем-то из бывших фронтовиков: «Из окружения нельзя медленно выползать, нужно вырваться одним решительным ударом».

Решительный удар состоялся. Первое крупное сражение сезона — горошечная страда — выиграно: зеленого горошка выпущено в два раза больше, чем в прошлом году.

— Стотысячная ссуда,— уточнила Филатова,— уже в этом году будет оправдана. Консервов Новые Анены выпустят на тринадцать миллионов банок больше, чем в прошлом году. В газете была хорошая статья про всю эту историю.

Это она сказала уже в машине, когда мы возвращались в Кишинев.

— А чем кончилась история с морковным соком и с нехорошим журналистом? — напомнил я.

— Из Министерства сельского хозяйства прислали справку, что действительно у нас нет сырья, чтобы наладить массовое производство сока.

— И вы эту справку переслали в газету?

— Нет, я написала письмо. Сообщила редакции, что мы выпустим двадцать тысяч банок морковного сока.

— И не ругали журналиста?

— Журналист поступил, конечно, некрасиво. Но в одном он был прав: морковный сок очень полезен детям и больным. Не так уж много его нужно, не обязательно организовывать массовое производство. Двадцать тысяч банок — это для нас мелочь. Что такое двадцать тысяч в молдавском миллиарде?

Так в коллекции Валентины Филатовой появилась еще одна цифра.

КИСТЬ, ОБЪЕКТИВ, ОБРАЗ

Мы не случайно поставили на этих страницах рядом с картинами живописцев работы фотомастеров с последней Всесоюзной фотовыставки. И те и другие показывают нам жизнь нашей страны, ее людей, создающих новый мир.

Творения художника и фотомастера достойны народного признания, если они рождают у человека высокие чувства, заставляют думать, волноваться, радоваться, восхищаться.

Право фотографии быть равным среди прочих видов искусства теперь уже не предмет дискуссии. Техническая сторона этого молодого в общем-то изобретения быстро отодвинулась на задний план, и при слове «фотография» мы в первую очередь представляем ныне не лист фотобумаги, а образы, которые несет нам зоркий глаз и вдумчивое видение настоящего художника.

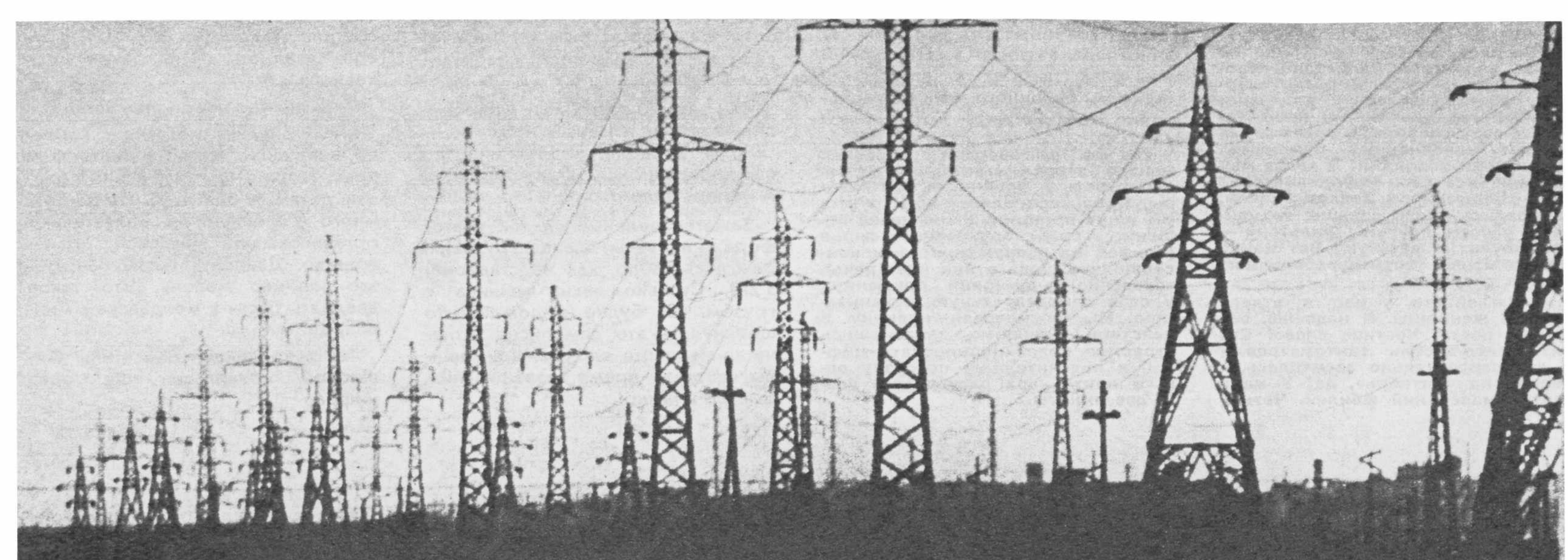
Сотни фотографий, каждая из которых запечатлела лишь одно-единственное мгновение нашей жизни, собранные воедино, создали обобщенный образ великой страны.

Выставка, несколько работ с которой мы публикуем, необычайно глубоко и ярко отразила успехи нашей Родины, познакомила нас с множеством ее замечательных людей.

Ю. МИХАЙЛОВ

Летчик-испытатель Эдуард Елян. **Фото В. Лагранжа.**

Под Волгоградом. **Фото В. Тарасевича.**

Ю. Подляский (Ленинград). РОДИНА. СЕВЕРНЫЕ ПРОСТОРЫ.

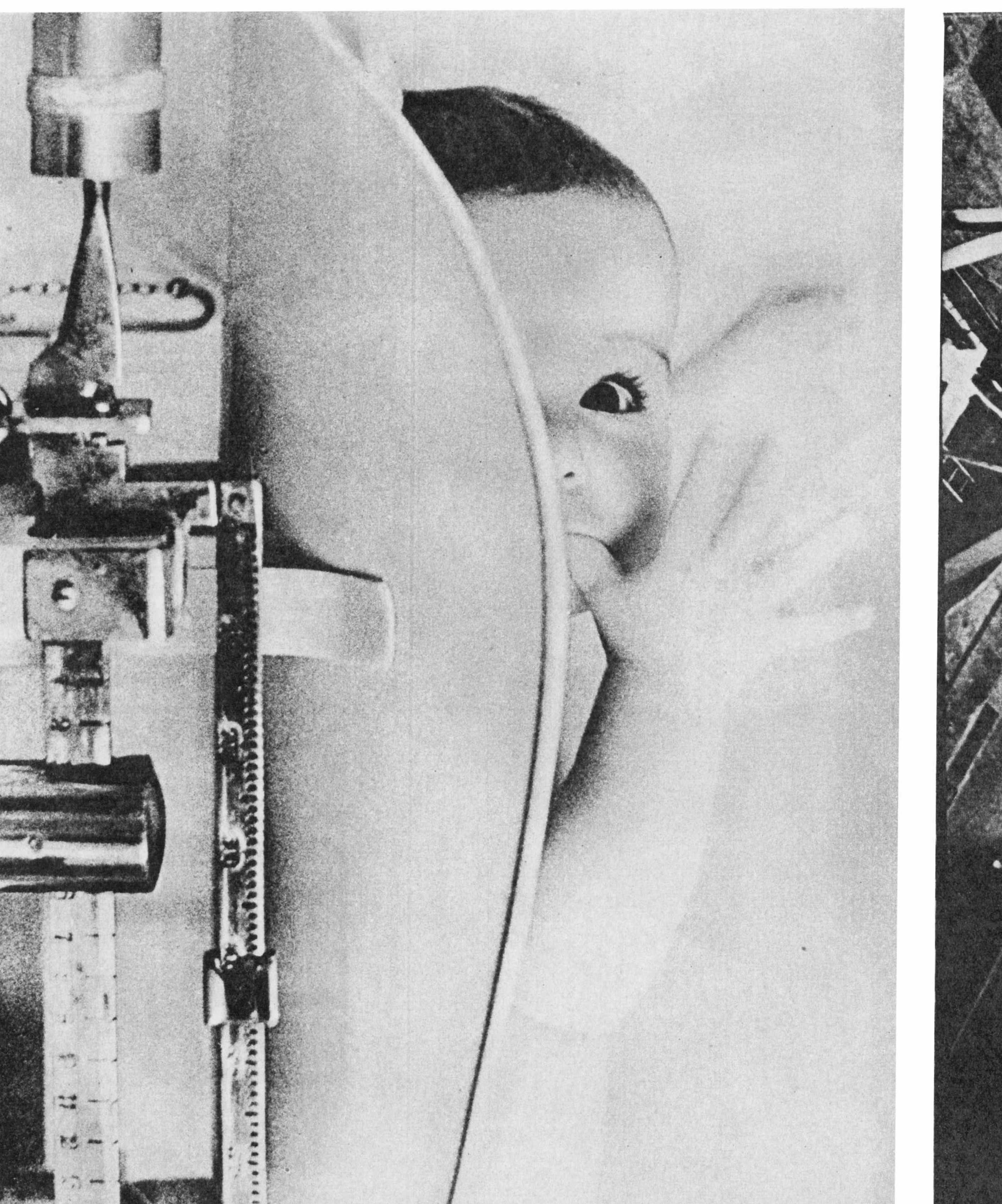
Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина.

Н. Денисов (Москва). ЛЕДОВАЯ РАЗВЕДКА.

Н. Лой (Норильск). НОРИЛЬСКИЙ РИТМ.

Вес взят.

Фото В. Кузьмина.

Испытание модели самолета «ТУ-144».

Фото С. Соловьева.

1770 1970

Людвиг ван Бетховен.

С гравюры Б. Гефеля по рисунку Л. Летронна. 1814 год.

БЕТХОВЕН — НАШ СОВРЕМЕННИК

Исполняется 200 лет со дня рождения великого немецкого композитора Людвига ван Бетховена.

Уже в 12 лет юный Бетховен сочинил свои первые произведения — музыкальная одаренность сына боннского придворного певца проявилась очень рано. В 1800 году Бетховен признан лучшим венским пианистом и импровизатором, хотя его блестящее и глубокое исполнительское мастерство отошло на второй план, уступив место композиторскому творчеству. Наивысшего расцвета гений великого немецкого музыканта достигает в 1800—1812 годах, когда он создал восемь симфоний, знаменитые сонаты — «Лунную», «Крейцерову», «Аврору», «Аппассионату»,— оперу «Фиделио», музыку к трагедии В. Гете «Эгмонт»...

Наиболее значительными произведениями «позднего» периода стали пять фортепианных сонат (1816—1822 гг.), пять струнных квартетов (1823—1826 гг.) и, наконец, итог всей творческой жизни композитора — последняя, 9-я симфония — «К Радости».

Музыкальное наследие великого немецкого композитора неисчерпаемо. Кроме перечисленных произведений, ему принадлежит одиннадцать увертюр, пять концертов для фортепиано с оркестром, скрипичный концерт, две мессы и многие другие симфонические произведения.

На протяжении почти двух веков неизменной популярностью среди музыкантов и слушателей пользуются многочисленные камерные и вокальные произведения Бетховена. Большое место в его творчестве занимала обработка народных песен, в том числе были песни русские и украинские. Великий музыкант использовал народные мелодии в своих инструментальных сочинениях. Огромной популярностью и любовью пользуется творчество Людвига ван Бетховена в нашей стране: произведения великого свободолюбца и демократа звучат на всех концертных эстрадах.

Выдающийся советский пианист, народный артист СССР Павел Серебряков, которого мы просили сказать читателям свое слово о великом музыканте, является одним из лучших интерпретаторов творчества бессмертного Бетховена.

Народный артист СССР, профессор Павел СЕРЕБРЯКОВ

Говоря о современности звучания произведений Бетховена, невольно задумываешься над их особым значением для нашей эпохи. Спрашиваешь себя, почему именно Бетховен является наиболее близким и созвучным нашему современнику.

Жизнь отнеслась беспощадно к одному из лучших сынов Германии — Людвигу ван Бетховену. Его страстная, бескомпромиссная, свободолюбивая натура задыхалась в прочных сетях законов и условностей буржуазного общества. Прихоть магнатов могла принести ему богатство. Но он платил бедностью за право жить с гордо поднятой головой, за право не предавать свои принципы. Он готов был поклоняться любви, но и она стала его несчастьем. И, наконец, природа обрушила на Бетховена самый страшный для музыканта удар. Глухота, постигшая композитора в расцвете творческих сил, должна была означать конец творчества.

Казалось бы, этот груз испытаний, выпавший на долю одного человека, превышает все мыслимые пределы. Казалось бы, бесконечная цепь ударов судьбы должна породить пессимистичность отношения к миру, уныние и, может быть, даже озлобленность...

Но здесь Бетховен потрясает наш разум: мы видим совершенно противоположное движение его могучего духа. Парадокс? Нет, закономерность! Но закономерность лишь для великого человека.

Все личные беды, все общественные разочарования только обострили и углубили в титанической личности Бетховена богатырскую волю к борьбе, непоколебимую веру в победу. То, что могло сломить и озлобить обычного человека, в Бетховене вызвало лишь большее сопротивление существующим страданиям, жажду преодоления их через самоутверждение в творчестве.

Владимир Ильич Ленин сказал о бетховенской «Аппассионате»: «нечеловеческая музыка». Музыка Бетховена не случайно особенно много говорила сердцу великого борца революции. Бетховенская широта мысли и чувства, глубокий драматизм коллизий и диалектическая конфликтная драматургия особенно были близки великому революционеру. В произведениях немецкого композитора отображались чувства, мысли и сущность гениального художника, который в самые тяжелые и трагические минуты верил в конечное торжество светлых идеалов человечества.

Бетховен— титан человеческого духа и человеческой воли — воплотил в музыке то, чему через сто лет посвятил всю свою жизнь В. И. Ленин — гений революционной мысли и революционного действия.

Бетховен чувствовал себя выразителем чаяний народных масс, стремящихся к свободе. Поиски его шли не в русле формальных изысканий, но в самой сущности, «душе» народных стремлений. А «душой» умов человечества в эпоху Бетховена была французская революция, впервые поднявшая народ на борьбу с тиранией и деспотизмом.

Социальные условия определили сущность творчества Бетховена, в котором счастливо для нас соединились и гигантский природный талант его и общественное, прогрессивное содержание.

Философская концепция Бетховена, познавшего необходимость исцеления человеческого общества через борьбу и сознание собственного мужества в достижении поставленных светлых планов, через трагичность положений и коллизий к чистому и честному завершению, предопределила ту поистине народную популярность и современность звучания, которым творения Бетховена отличаются в наши дни.

Цели и задачи творчества Бетховена в конечном итоге всегда выходили за рамки музыки. Происходило это потому, что Бетховен был не только великий музыкант, он был, говоря словами выдающегося русского критика Стасова, «...великий дух и музыка служила ему, по чудному выражению другого гениального человека нашего века, Льва Толстого, только «средством общения с другими людьми», средством выражения того, что наполняло его душу... Бетховен совершенно изменил значение музыки, он возносил ее на такую высоту, на которой она еще никогда не бывала, и до корня разрушал то прежнее понятие, тот ограниченный предрассудок, что «музыка создана для музыки».

В современную нам эпоху «ограниченный предрассудок», о котором еще в прошлом веке писал Стасов — один из лучших представителей передовой русской мысли, не потерял своих приверженцев. Буржуазные эстетики и философы с последовательным постоянством отрицают общественное значение музыки, считая, что музыкант должен заниматься сугубо творчеством форм, не выражая в них эволюции общественного сознания или социальных проблем.

Однако мировая история музыки гениальными революционными творениями Людвига ван Бетховена доказывает огромную действенную силу, какую имеют произведения, одухотворенные гражданским пафосом борьбы.

Свободолюбивые, революционные мечтания Бетховена находили самый непосредственный отклик в сердцах лучших представителей демократической мысли далеко за пределами Германии.

Вспомните стихотворение Н. Огарева, посвященное памяти декабриста А. Н. Одоевского. В «Героической симфонии» Бетховена поэт услышал отзвук своим сокровенным думам:

«Я вспомнил вас, торжественные звуки,
Но применил не к витязю войны,
А к людям доблестным, погибшим среди муки
За дело вольное народа и страны;
. . . .
Мне слышатся торжественные звуки
Конца, который грозно трепетал,
А все же я теперь умру без муки
За дело вольное, которого искал».

В этих прекрасных строфах заключена сущность творческого гения Бетховена, неистового в своем стремлении к борьбе за подлинные этические ценности.

В этом современность музыки Бетховена, насущность ее звучания. Критерий исторической оценки говорит нам: творчество Бетховена будет жить в веках, так как оно человечно и гуманно, оно очень близко нашему коммунистическому мировоззрению и морали. Недаром в годы Октябрьской революции интерес в России к творчеству Бетховена возрос с новой силой, подтвердив мысль о том, что Бетховен не только глубочайшим образом индивидуален, он прежде всего один из самых народных, социальных художников в истории мировой культуры. По словам А. В. Луначарского, Бетховен ближе к грядущему дню, Бетховен более интимный сосед искусству социализма, чем иные хронологические соседи-музыканты последних десятилетий.

Музыка Бетховена... Когда пытаешься охарактеризовать ее, то часто не находишь слов, способных выразить адекватно эмоциональное и философское состояние ее.

Музыка его необычайно контрастная, огромных масштабов, взбирающаяся на недосягаемые вершины и падающая в бездны; музыка, наполненная драматическим ощущением жизни и кристальной чистотой проникновенной лирики, сдержанная и глубокая, никогда не переходящая в сентиментальность.

Слова бедны... Они не могут передать и выразить всю тонкость и глубину чувств, переданных в звуковых образах Бетховена.

Сколько в музыке Бетховена красочности, как она чиста, сердечна, сколько в ней скорби и душевной теплоты!..

Его произведения для меня — это нечто большее, чем просто хорошая музыка. Они говорят простыми средствами (в наш век оригинальных поисков новых форм!) о глубоких человеческих чувствах. Слушая его музыку, хочется быть нравственно чище, возвышенней, его музыка зовет к добру, искренности.

Личность Бетховена, бесспорно, личность необычайно благородная. Вобрав в себя самые лучшие черты человеческого рода, Бетховен никогда не переступал порога человечности в выражении своих чувств. В своем творчестве он никогда не опускался до выражения истерии, безнадежной болезненности.

Даже в музыке, полной трагической печали, большой внутренней боли, ощущается и другое, что делает человека Человеком: сила воли, не дающая одержать верх низменным инстинктам, мудрость страдания, понимание горющей души... Суровый лиризм, сдержанность в выражении своих чувств выгодно отличают творчество Бетховена от

некоторых современных произведений, где драматизм изложения иногда граничит с истерией.

В юности мне посчастливилось слышать музыкантов, чья интерпретация открыла для меня сущность творений Бетховена. Сонатные вечера прекрасного и тонкого пианиста А. Шнабеля, исполнение симфоний Бетховена Клемперером, Клейбером оказали такое впечатляющее воздействие на меня, что открыли мне буквально неисчерпаемый мир бетховенских творений, драматургию их развития, конфликтные линии философских мыслей, эмоциональную сферу. Я понял, что музыка — это не только профессиональная игра форм, красок, линий. Она выполняет в обществе высочайшую миссию, являясь связующим звеном между людьми, разделенными столетиями, но объединенными едиными идеалами.

Меня, и как музыканта и как слушателя, всегда глубоко волнует исполнение бетховенских симфоний прекрасным дирижером Гербертом фон Карояном — соотечественником великого композитора. Исполнение его свежо и потрясает своей убежденностью. Поиск его проходит внутри музыки, в самом содержании ее. Вот это большое понимание внутренней силы музыки при внешне сдержанном исполнении нотного текста и дает ощущение прикосновения к тайнам души гениального музыканта.

Советская исполнительская школа исходит из основополагающей тенденции сохранения лучших традиций мирового исполнительского искусства: точного сохранения нотного текста и глубокого проникновения в сущность музыки. Наши выдающиеся исполнители — дирижеры А. Гаук, Е. Мравинский, Е. Светланов, пианисты С. Рихтер, Э. Гилельс,— оригинально интерпретируя произведения Бетховена, с огромной любовью, бережно относятся к творениям великого композитора; прекрасным исполнителем камерно-инструментальной музыки Бетховена является квартет его имени. В их исполнении мы каждый раз видим огромную, вдумчивую работу, направленную на поиски мысли и духа бетховенского замысла.

Масштабы души Бетховена ощущаются и в том, как звучат его фортепианные произведения. Я не ошибусь, если скажу, что все сонаты для фортепиано звучат и могут быть оркестрованы как симфонии. Каждое проведение голоса в нотной ткани рояля, оркестра — это человек, личность, характер. И в этом заключается одно из интереснейших свойств произведений Бетховена.

Творческий процесс бесконечен, и воплощение замысла композитора для музыканта-исполнителя — труд всей его жизни. Но это труд благодарный и вдохновляющий. Воздействие музыки Бетховена беспредельно. Когда слушаешь или работаешь над произведениями Бетховена, то как бы очищаешься от всех будничных треволнений, обыденных дел, от всего мелочного, житейского... Эмоциональный настрой становится каким-то особенным, ощущаешь себя взволнованно-приподнятым, хочется работать и работать, отдавая всего себя музыке.

Мне приходилось исполнять Бетховена перед разными слушателями: за рубежом — в Японии и Австралии, в Бразилии и Канаде; на родине — не только в центральных городах, но и в самых отдаленных уголках нашей необъятной страны.

И повсюду я ощущал всегда самую благодарную аудиторию. Нужно было видеть, с какой исключительной внимательностью и трепетностью воспринимали слушатели произведения Бетховена, вслушиваясь в каждую ноту творения музыкального гения. И самой лучшей оценкой для исполнителя являлись не аплодисменты, которые он получает после исполнения, но та исключительная тишина, та необычайная, слушающая тишина во время исполнения, когда чувствуешь невидимое единение со слушателем, когда сердца исполнителя и слушателей бьются в единой пульсации. Вот что является высшей оценкой и наградой при исполнении Бетховена. И это ощущается всегда.

Хочу сказать несколько слов о современном прочтении произведений Бетховена. В музыкальном искусстве творцом является не только композитор, но и исполнитель. Только через исполнителя, через его духовный, эмоциональный мир и интеллект композитор может донести до слушателя свои мысли и чувства. Исполнитель в музыкальном искусстве является не механическим передатчиком замыслов композитора, но творческим интерпретатором, сотворцем произведения. От того, как он интерпретирует музыкальное произведение, во многом зависит и реакция слушателя и эмоциональный эффект.

Мне вспоминается беседа в Японии с рецензентом одной ведущей газеты. После концерта он зашел ко мне в номер взять интервью, и внезапно мы надолго разговорились и даже поспорили. Мой собеседник упрекал лучших представителей нашего искусства за слишком, по его словам, большую доступность, простоту в манере исполнения. Он доказывал, что это не нужно: мол, музыкантам все это и так ясно и понятно. Ему хотелось бы большей недоговоренности, каких-либо странностей в интерпретации и, как он подчеркнул, большей надуманности.

Мое глубокое убеждение заключается в том, что исполнитель должен творить для народа и быть понятным даже самому неискушенному слушателю. Это не означает, конечно, что музыканты должны угождать массовому вкусу. Нет, исполнитель должен поднимать вкус публики до самых высоких эстетических критериев.

И здесь заключается главная мысль: любая сложность музыкального произведения может быть преодолена, если талантливо оно само, если талантливо его исполнение.

Народ может понять любое, самое сложное произведение, написанное большим художником, если в нем говорится о сложных проблемах простым и искренним языком и если исполнитель сам искренен, вдохновенен...

Бетховен — наш современник. Его творения участвуют в строительстве нашей жизни, светлая цель которой — построение коммунистического общества, где все люди свободны и равны. Об этом мечтал и во имя этого творил великий композитор.

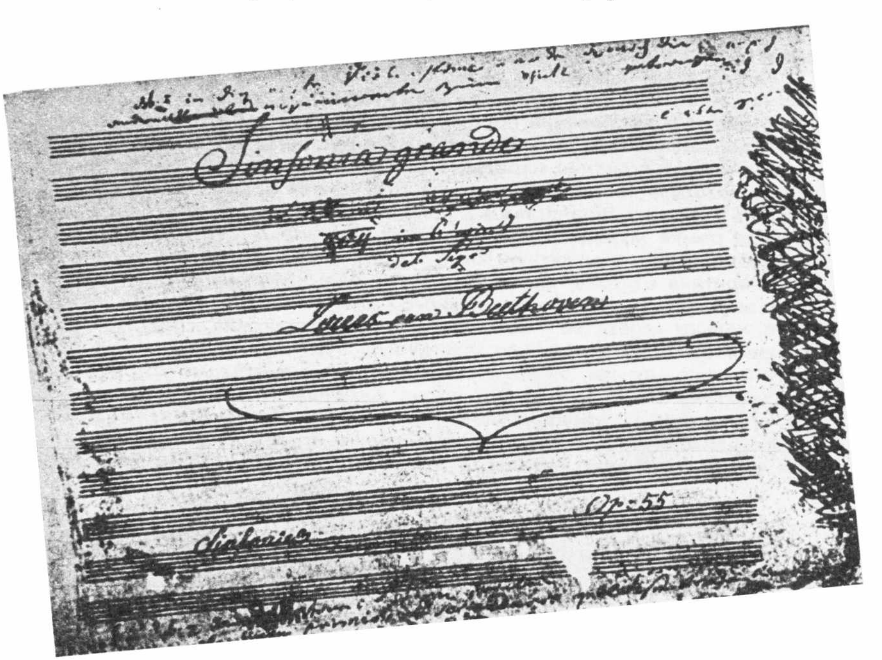

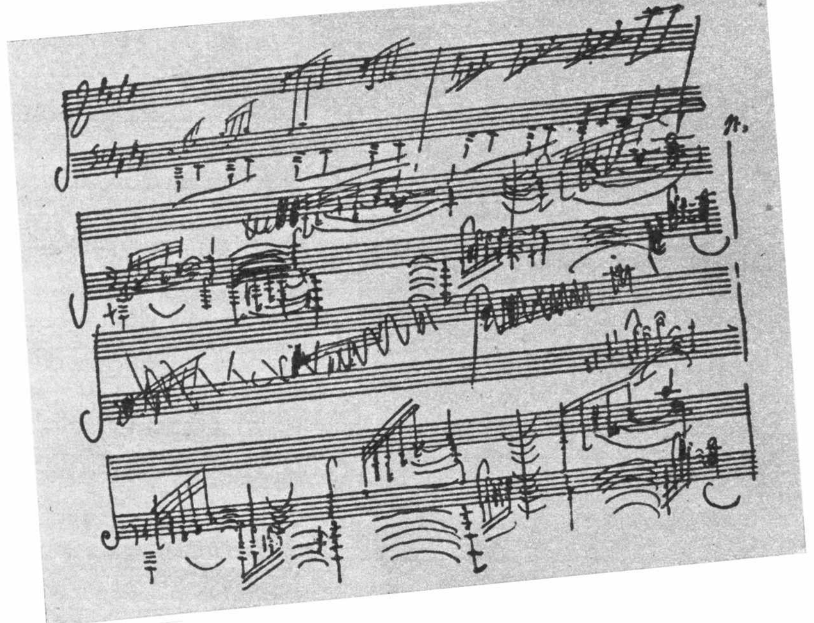
Дом в Бонне, в котором родился композитор.

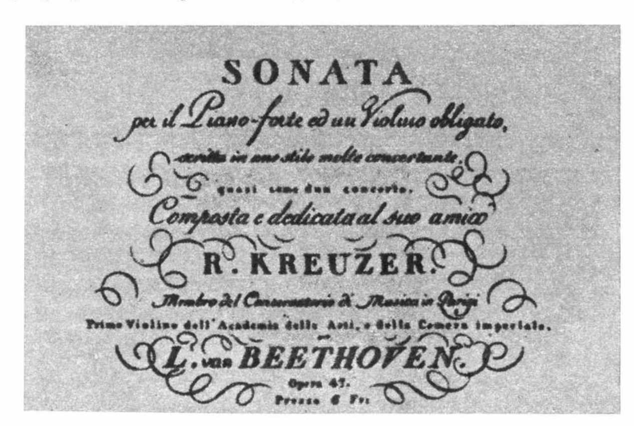
Силуэт 13-летнего Бетховена.

Титульный лист рукописи «Героической симфонии» с вычеркнутым посвящением Бонапарту.

Автограф финала «Лунной сонаты».

SONATA

per il Piano-forte ed un Violino obligato,

scritta in uno stilo molto concertante,

quasi come d'un concerto.

Composta e dedicata al suo amico

R. KREUZER.

Membro del Conservatorio di Musica in Parigi

Primo Violino dell' Academia delle Arti, e della Camera imperiale.

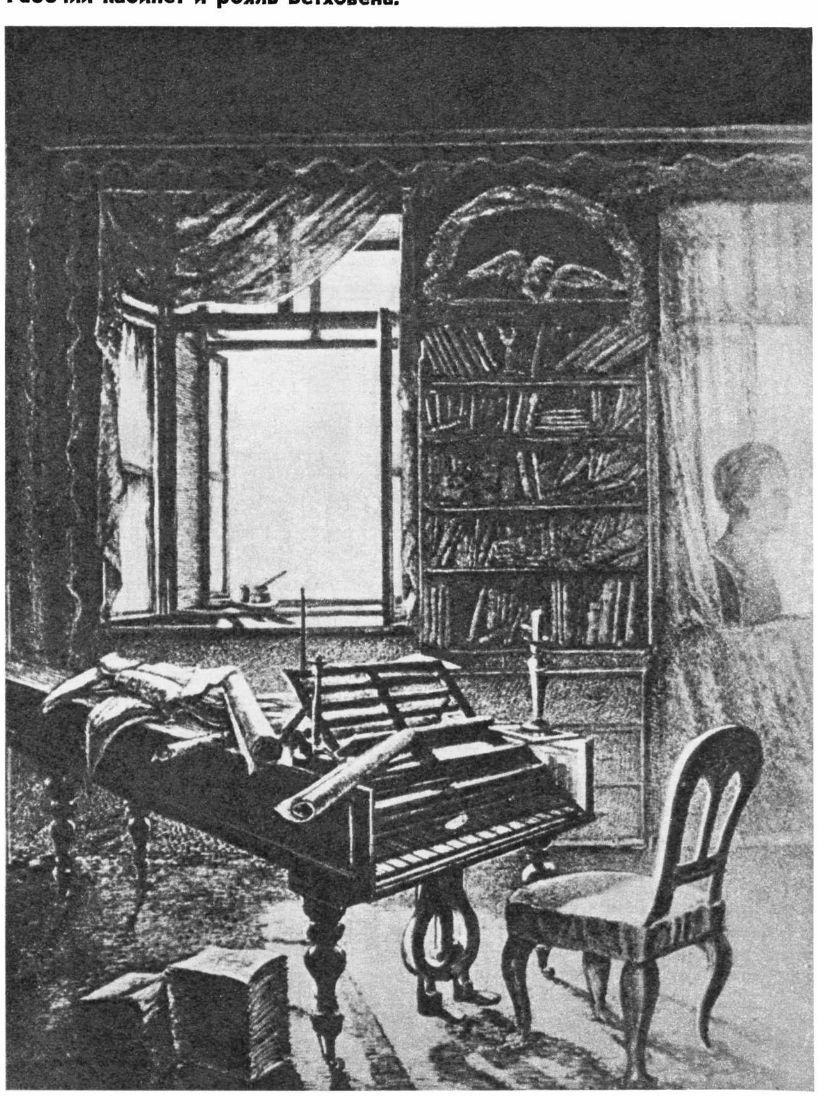
L. van BEETHOVEN.

Opera 47.

Prezzo 6 Fr.

Титульный лист «Крейцеровой» сонаты Бетховена с посвящением Р. Крейцеру.

Рабочий кабинет и рояль Бетховена.

Мара ГРИЕЗАНЕ

* * *

Люблю тебя, Бетховен.
Еще девчонкой глупой
в училище заштатном
я пальцы до мозолей
о клавиши сбивала,
в себя вобрать пытаясь
вселенские сонаты,
симфонии твои.
И мне тогда казалось,
что если астронавты,
блуждающие в страшной
космической пучине,
пошлют сигнал на Землю —
их позывными будет
мелодия твоя.

Люблю тебя, Бетховен,
седой, лохматый, вольный...
Мой рок необъяснимый,
мятежный и печальный...
Учитель неподкупный,
прощающий и строгий...
Великий чародей...
Сегодня ты все тот же:
бессонный и горячий,
возросший над свечами
крылатой буйной тенью...
Ах, как ты смел и молод:
мой друг, тебе сегодня
всего лишь двести лет!

Люблю тебя, Бетховен.
Так люди любят море,
объятое волненьем,
несущее на гребнях,
на волнах-самоходах
извечную загадку —
привет иных миров...
Взгляну я сердцем зрячим,
подслушаю стихию:
на белых диких волнах
непостижимой нотой
белеет вещий парус,
не знающий покоя
посланец и беглец...

Люблю тебя, Бетховен.
Так люди любят воду,
прозрачную, земную,
манящую прохладой,
звенящую игриво
в речушке родниковой
в рабочий жаркий день.
Так любит мирный путник,
жестоко опаленный
июльским полным солнцем,
большую тень под сенью
немереного дуба,
стоящего на стыке
немереных дорог...

Люблю тебя, Бетховен.
И вижу: в старом кресле
сидит усталый Ленин,
прикрыв лицо рукою,
внимая неподвижно...
И «Аппассионата»
живительна, щедра...
Она гремит над миром,
над обновленной Русью,
разрушенной войною...
Она звучит победно,
торжественно и ясно,
как некая простая
пророческая мысль...

Люблю тебя, Бетховен,
как если бы любила
один язык всемирный —
интернациональный,—
язык мечты высокой,
понятный и желанный
для всех людей Земли...
Так пусть всегда и всюду
светло и фанатично
играют пианисты
твою святую тему,
бессмертную, как Счастье,
прекрасную, как диво,
как Будущего гимн!

1943 год. Людмила Донская — военная разведчица Галка.

работалось учетчицей, о Львовской железнодорожной фирме Карла Неспорека, куда ее недавно взяли курьером... За пазухой она бережно хранит потертую справку о рождении, выданную в епархии униатской церкви, кенкарту и новенький аусвайс — без него как без рук.

— Смотри! — Генек кивает на лес, хорошо видный из окошка.— Наши совсем рядом... Только луг проскочить. Неужели опоздают? Пшэкленте швабы! — цедит он сквозь зубы любимое проклятие. Галка думает о том же, только молчит. Ее губы сжаты, глаза прищурены.

Наверное, именно так она выглядела, когда почувствовала (да, да, почувствовала, а не услышала!) опасность во время одного из сеансов связи с городской квартиры. Галка передавала по рации сообщение: **«...Немцы строят оборону Львова. Северо-западнее села Чишки и до села Мурование сооружают доты, зигзагообразные окопы, проволочные заграждения...»** И вдруг почему-то сорвала с ушей тяжелые лепешки наушников: в это самое время открылась входная дверь. Днем, в неурочный час, вернулись домой два других квартиранта Ольги Пахму́рской. Одного особенно надо было опасаться — он и не скрывал своих симпатий к оккупантам. Второй, студент-медик, производил более благоприятное впечатление. Но пугливая, всегда грустная «беженка» старалась с обоими не встречаться и при любой возможности навещать своего «жениха»: из села Галке было легче вести передачи. Она даже могла нарушать инструкцию и радировать не по полчаса, а до тех пор, пока в Центр не уходило последнее сообщение. Да и как уложишься в эти тридцать минут, если информации всегда было в избытке и если «с той стороны» постоянно поступали то запросы, то просьбы что-либо уточнить?!

Однажды их помощник Владек

ОСОБЫХ ПРИМЕТ НЕ И

Валерия ГОРДЕЕВА

В ее личном деле, на котором гриф «Хранить вечно» звучит, как приказ, есть такая лаконичная запись: «Рост — 165 см; цвет волос — темнорусый; цвет глаз — карие; лицо — круглое; особые приметы — не имеет».

Особых примет у нее вроде бы действительно не было. Обыкновенная девчонка предвоенных лет. «Типичный представитель» — как любят выражаться учителя словесности. И все же...

В ТО ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

Уже вторые сутки сидят они всем селом в школьном подвале и ждут казни: как только советские войска вплотную подошли к Билке Крулевской, на помощь немецкому гарнизону примчались эсэсовцы, заперли жителей в школе, а сами заняли оборону.

...Никто в огромном мрачном подвале не плачет, даже дети. Лишь прошелестит то тут, то там уже привычное «Збав нас, боже!». Галка примостилась возле Домерецких: как-никак для всех она невеста их сына Генека... А старики шепчутся с соседями, горестно качая головами: надо же, до чего не повезло девчонке! Приехала из Львова погостить у будущих родных, подкормиться немного — и такое несчастье! Генек встает и долго пробирается через сидящих на полу к маленькому зарешеченному окошку. Через минуту оттуда доносится: «Анна! Анна!»

В семье Домерецких уже есть две Анны — мать и дочь. Теперь еще она, Галка... То бишь Анна Томик, «бежавшая во Львов от наступающих на запад «советов». Она так привыкла к своему новому имени, к своей новой биографии, отработанной во всех деталях еще в Центре, к роли невесты, в которой Генек ей хорошо подыгрывает, что, позови сейчас кто-нибудь: «Галка!» — она и головы не повернет. Зато часами может рассказывать о своем отце, якобы арестованном и сосланном большевиками, о сахарном заводе в родном городе, где ей так хорошо

указал в своем донесении, что на одной из линий обороны (а их вокруг города было три) имеются проволочные заграждения в несколько рядов. Сразу же последовал вопрос: во сколько конкретно? И отправился парень снова в разведку — где шел пешком, где ехал на попутном транспорте, попадал и в облавы и под бомбежки, но все на этот раз как следует разузнал. Через час после его возвращения Центр получил уточнение: в пять рядов.

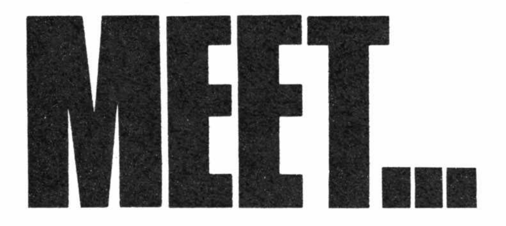
У деревенской квартиры были явные преимущества перед городской: лишь только на дороге показывались пеленгаторные машины, привлеченные Галкиной морзянкой, она прятала свое хозяйство, надевала беленький платочек и шла в огород помогать.

Пеленгаторы начинали топтаться на месте, словно ищейки, потерявшие след, потом сворачивали к лесу, решив, что в этом квадрате, очевидно, действует партизанская рация. А Галка вскоре снова принималась за дело. **«Особенно укрепляется северо-восточная сторона Львова... 5-я армия, прибывшая в декабре 1943 года из Франции, перебрасывается на рубеж Броды — Тернополь...»**

Генерал-полковник Гарпе, командующий группой фашистских армий «Северная Украина», чтобы удержать город, сконцентрировал на подступах к нему 900 танков и штурмовых орудий, 700 самолетов, 6 300 пушек, гаубиц, минометов. За Львов дрались 600 тысяч вражеских солдат. И все это ощетинилось против 1-го Украинского фронта, который возглавил операцию, а следовательно, против Галкиных друзей, против нее самой — разведчицы штаба этого фронта.

...С лязгом открывается дверь — все вздрагивают. Офицеры в черных мундирах проходят в закуток, где лежат раненые немцы. Посовещавшись, отбирают нескольких. Солдаты выносят их. Потом притаскивают какие-то ящики и бикфордов шнур. Тяжеленная дверь снова захлопывается. «Значит, нас не сожгут, как все думают, а взорвут,— соображает Галка.— Тех, кто легко ранен, забрали, остальных бросили вместе с нами... Теперь скоро».

Генек тоже это понимает. И вдруг начинает быстро говорить. Галка слушает его невнимательно: она напряженно всматривается в лесную опушку. Но последние слова Генека чем-то ее удивляют: «Я цыен бенде кохаць...» Зачем это он? Их никто не слышит, чего ж и сейчас изображать жениха? «Я тебя буду любить!» И тут до нее доходит, что Генек говорит это не для посторонних, а для нее. Сначала Галка недоумевает: вот уж никогда не замечала! Затем возмущается: нашел время! И тут же с пронзительной ясностью понимает, что как раз времени-то у них может больше уже и

не быть. Ни на то, чтобы жить. Ни на то, чтобы любить...

«А как же Коля? — У нее все обрывается внутри.— Ничего, ему, дуреха, толком не ответила тогда, во дворе спецшколы, прощаясь... Как неожиданно прекрасно звучит по-польски слово «любовь»! «Милосць»... Это же и вправду милость по отношению к человеку — поселить у него в душе такое!

В ТОТ ПОСЛЕДНИЙ ПОЛДЕНЬ

Галке «повезло»: целых два дня она могла думать о тех, кто ей дорог и с кем ей, вероятно, уже не встретиться... Могла, как говорится, подводить итог своей девятнадцатилетней жизни... Давненько у нее не было столько свободного времени! Еще позавчера татусь Михал, старший Домерецкий, несколько раз уходил «на варту» — сторожить,— а она, как обычно, забиралась у него в стодоле на огромную копну сена, раскидывала под самой крышей антенну, брала в руку «муху» (так почему-то окрестили ключ от «Северка»), и через линию фронта неслись позывные: «Л—С», «Л—С»... «Лукашевич — Символ»... А теперь эта самая линия разделила их — «Лукашевича» и «Символ», Рúшарда и Галку. Он остался во Львове, а она попала в западню здесь, в польском селе, где была их вторая, казалось, наиболее безопасная квартира. Кто теперь в городе — наши или немцы? Что с Ришардом, молчаливым, заботливым «Лукашевичем»?

Галке вспомнилось, как боялась она идти с этим человеком на задание. При одном взгляде на Ришарда у нее сердце заходилось от дурного предчувствия. До чего он был не похож на тех, с кем она до сих пор работала! Белорус, лет на десять старше всех, чересчур замкнутый и вежливый, очень плохо говоривший по-русски, он, рассказывали, эмигрировал из панской Польши в Аргентину, сражался в Испании, участвовал во французском Сопротивлении, а в последнее время был одним из руководителей львовской подпольной организации «Народная гвардия»... Но ведь все это могло оказаться и вымыслом! Уж кто-кто, а разведчики знали подобные случаи.

Тот приказ за номером 0042, в котором перед самым вылетом они оба расписались, Галка помнит дословно: **«Командиру «Лукашевичу» вместе с радистом «Символ» в ночь на 17 июня 1944 года авиадесантом убыть на выполнение специального задания в тыл противника в район железнодорожного узла и города Львов».**

...До этого ей чертовски везло! Везло с того самого момента, как шестнадцатилетнюю, не успевшую сбегать в школу за аттестатом, но успевшую состарить себя в документах на два года, наконец-то зачислили в партизанский отряд, который в первые же дни войны начал формировать Харьковский обком партии,— туда брали лишь коммунистов и комсомольцев, притом самых надежных,— и до этой, последней ее, Карпатской операции, когда из группы в три человека уцелела она одна... Нет уже «Розмари», длиннокосой, крепенькой, словно белый грибок, девчушки — добрейшей Анечки Гуртовой. Нет и «Толстóго» — бесхитростного, добродушного их командира Сережи Олексюка. Лежат в братской могиле на Коломыйском кладбище... «Разведчик не должен быть доверчивым. Он не имеет на это права! Он просто обязан быть и изворотливым и ловким!»

Галка искоса взглянула на одинокую фигуру Ришарда, сидящего в противоположном углу «Дугласа», на его большелобое, с залысинами, непроницаемое лицо.

Чего с ней только не было за эти годы! За эти годы тайной войны... С диверсионной группой она участвовала в налете на гитлеровский штаб в Мерефе, под Харьковом. Немцы — наглые и беспечные в сорок первом — никак не ожидали, что в России появятся какие-то партизаны! Потом, уже из спецшколы, Галка ходила маршрутагентом через линию фронта...

Без помощи населения разведчикам было бы нелегко. Взять хотя бы деда Охромеева в Харькове, у которого Галка пряталась вместе с напарницей. И ходил, оберегая, вокруг дома, пока они с «Ласточкой» вели передачи, покупал им продукты.

Тогда, в самолете, летящем на Львов, в новую «столицу Западной Украины», кишевшую к тому же националистами всех мастей и направлений, Галка первая запела их прощальную разведческую. Она не знала, что уже два года существуют стихи Семена Гудзенко: «Когда на смерть идут — поют, а перед этим можно плакать...» Плакать — она не плакала. И перед **этим** тоже. А вот пела всегда. И именно ее, невесть кем сочиненную. Ребята, собиравшиеся прыгать в другой пункт, немного раньше, чем группа «Лукашевич», подхватили свою любимую. Только Ришард молчал: не знал слов. А остальные громко — это удавалось так редко! — выводили: «...Кругом противник, нас немного. И каждый кустик тебе враг. Но дело чести, дело славы толкает нас на дерзкий шаг...» «Вот и вся философия! — думала Галка.— Вот и ответ на собственный вопрос: зачем я это делаю?» Потом она молча сидела рядом с Ришардом в опустевшем «Дугласе» и, напрягшись, ждала сигнала. Разворот. Сирена: «Бип!» Это им. Приготовиться... И тут Ришард наклонился к ней: «Я чувствую, вы мне не доверяете. Не волнуйтесь, все будет хорошо...» И снова сирена, теперь два раза: «Бип, бип!» Пошел...

Их сбросили в пятидесяти километрах от города, и они добирались до Львова пешком. Вид у них был весьма подозрительный — Галка шла босая (ее сапоги утонули в болоте), а у Ришарда распухло лицо: стропой парашюта ему обожгло щеку. Но самое страшное ждало их впереди: известие об аресте почти всех членов «Народной гвардии», на чью помощь они в основном надеялись, и о том, что ищут Ришарда, известного в гестапо по кличке «Испанец»... Только потрясающая выдержка «Лукашевича», только его огромный опыт позволили им стать рядовыми львовянами. А потом найти надежных помощников, жилье и начать свою сложную работу «в белых перчатках», как он говорил. Это означало — на этот раз никаких выстрелов, взрывов, листовок. У них была иная задача. Тихая, почти мирная. **«...Установить систему обороны города, виды заграждений и наиболее уязвимые места...»** Им требовалось **«...всеми средствами стремиться установить намерения противника, обороняющего Львов».** (Всего лишь!) И они стремились. А потом Галка по нескольку раз в день передавала своим эти данные. Словно мать ребенку, она говорила целым армиям: «Сюда можно шагнуть. И сюда тоже... А вот сюда нельзя, здесь опасно». (Помните сообщение: **«Особенно укрепляется северо-восточная сторона Львова»**! В истории Великой Отечественной войны, где описана битва за этот город, зафиксировано: первые уличные бои начались 22 июля на **южной** окраине Львова...) Все эти «шаги», все эти «можно» и «нельзя» были нанесены на карту Ришарда, разбитую на квадраты. Точно такая же имелась в Центре у «Николаева», с которым они готовили эту операцию.

Майор не стеснялся хвалить их, когда были удачи. Старался при случае обрадовать. Совсем недавно передал, что Галка награждена орденом Отечественной войны второй степени. Но последняя его радиограмма была тревожной: **«...Не рискуйте излишними поездками в деревню. Берегите себя от провала. Вы работаете отлично».** А как не рисковать? Из города, от Пахмурской, передавать становилось особенно трудно — вокруг все более интенсивно рыскали пеленгаторы. Громоздким машинам было сложно пробираться по узким улицам. Так немцы додумались — самолет для этого приспособили, и он все время висел в небе. Вот и зачастила «невеста» Генека в Билку... Материал ей доставляли только Владек и Кмит — единственные, кому Ришард доверил местопребывания радиста. Иногда приезжал и сам. Вместе с очередной порцией новостей привозил то платье — шелковое, синее в белый горох, под стать синим босоножкам на деревянных подметках, которые он сразу же купил ей на базаре и в каких щеголял «весь Львов»... То яркую модную косыночку... Забота его объяснялась тем, что Галка не должна была отличаться от местных жительниц. Готовили их в Центре тщательно. Предусмотрели — даже в одежде — вроде каждую мелочь. Но туфли «на в/к» — на высоком каблуке — тут, например, никто не носил! Попасться можно было на всем — на фасоне кофточки, на прическе, на манере поведения. Они, например, чуть не погорели на карманных часах советского производства, которые случайно обнаружил в комнате Пахмурской студент-медик. Пришлось объяснить, что купили их на барахолке, сохранились, видно, с довоенных времен... Хорошо, что парень не побежал в гестапо!

Впрочем, теперь это все равно — побежал, не побежал. Видно, из этого подвала Галке уже не выбраться... Сколько же действительно может везти человеку! Настал, значит, и ее черед.

...Ей казалось, что она одна в целом мире! И миру этому нет никакого дела до нее, советской военной разведчицы, которую эсэсовцы надумали взорвать вместе с сотней безоружных поляков и несколькими истекающими кровью, уже все отдавшими фюреру их соотечественниками. Она напряженно всматривалась в расчерченное на квадраты, словно карта Ришарда, оконце. И все-таки ждала, все-таки надеялась... А в висках билось извечное, общечеловеческое: «Ой, мамочка! Ой, миленькая!» Она была всего-навсего недавней школьницей, ставшей **военной** и **разведчицей** лишь потому, что это потребовалось Родине. И еще потому, что чувствовала в себе силы справиться с такой смертельно сложной работой. До сих пор она с нею справлялась...

В ТОТ ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР

Как спасаются разведчики от смерти? По-разному. Но чаще, как в кино. Так же неожиданно, так же внезапно, когда ждать помощи уже неоткуда.

...Стоит девчонка у опутанного железом оконца и ждет смерти. Но вдруг из того самого леса, на который она все глаза проглядела, вылетают наши конники и окружают деревню. Через несколько минут — уже ни топота, ни выстрелов, ни криков... А потом открывается скрипучая дверь, и на пороге — свои, родненькие. Галка готова прыгнуть до потолка. Но не может сделать даже того, что делают остальные,— кинуться к красноармейцам, обнять, расцеловать... Она ни в коем случае не должна раскрывать себя. Но долго оставаться в тени Галке не удается. К ней подходит офицер: «Кто вы!» — «Вам я ничего не скажу. Везите меня в штаб фронта».

Да, да, все было именно так! Но Галку ничуть не огорчила «шаблонность» развязки. Снова, к счастью, подтвердилось высказывание ее командира: «Этот «Чижик» отовсюду вернется!» Давно уже, правда, изменился ее псевдоним, давно она перестала быть «Чижиком» и стала «Символом». Но разве это меняет суть тех слов?

«...HONOR ET GLORIA», ИЛИ НЕЧТО ВРОДЕ ЭПИЛОГА

Секретарь — совсем молоденькая девушка — торжественно объявляет: «Встать! Суд идет!» Поднимаются прокурор, адвокат, обвиняемый, публика в зале... Так они отдают дань уважения тем, кто должен решить судьбу Алексея М. И среди них — самому главному здесь: судье Людмиле Александровне Донской. Азы юриспруденции известны всем. Прокурор обвиняет. Адвокат защищает. А судья судит. То есть, выслушав мнение сторон, выносит решение. А это ох как нелегко!

...Она сидит в кресле с высокой спинкой, и над головой у нее — герб республики. Государственный человек! У человека этого темнорусые, коротко стриженные волосы, быстрые карие глаза, безупречный синий костюм.

— Доверяете нам слушание дела? — обращается Донская к подсудимому. Тот, глядя под ноги, утвердительно кивает бритой головой. Обвиняется он в нарушении общественного порядка и сопротивлении милиции.— Хорошо... Итак, вы можете отвести состав суда, можете...— Людмила Александровна медленно и четко разъясняет восемнадцатилетнему парню его процессуальные права.

Потом она внимательно слушает прокурора, защитника. Но медицинского эксперта прерывает:

— У вас есть что-нибудь новое? Все, о чем вы говорите, уже имеется в деле. Совершенно ясно, что нужна была стационарная, а не амбулаторная экспертиза — у подсудимого дважды травмирован череп! — Ее глаза прищурены, как всегда в минуту напряжения, а рука что-то быстро выстукивает по столу. И я тут же мысленно переношусь к нашему недавнему разговору в харьковской гостинице. «...Вот это семерка: «Дай, дай закурить!» А это — тройка: «Я на горку шла!» Так легче запоминалось»... Моя собеседница без запинки простучала мне тогда все эти точки и тире, которыми четыре года разговаривала из дальней дали с Центром, со своими... Да, уже двадцать пять лет, как разведчица Галка стала снова Людмилой Донской. И все-таки она по-прежнему Галка, разведчица. «А знаете, как это мне помогает в работе! — убеждала она меня.— Особое чутье, обостренная интуиция, мгновенная реакция, то, что столько раз вывозило,— все теперь на пользу...»

Вот и с парнишкой этим. Чувствует: что-то здесь не так, что-то пережато, что-то не прояснено. И все вызывает и вызывает свидетелей... Интересно, что все-таки она так сердито отстукивает карандашиком?

Вы видели когда-нибудь, как освобождают из-под стражи? Тут же, в зале суда? Как расступается конвой и как человек делает шаг из-за загородки? Мне посчастливилось. А еще я видела лицо Алексея, по которому катались желваки: Донская доказала, и прокурор с ней согласился, что никакого «сопротивления» не было. И мокрые от радостных слез лица его родных. И утомленное лицо Людмилы Александровны. И веселое юное лицо секретаря суда Вали. Ликуя, она заглядывала во все двери: «А у нас освобождение!» Не первый ведь день работает, навидалась всякого. И поди ж ты, как довольна! Школа Донской, не иначе...

А потом я поехала во Львов своими глазами посмотреть те места, где Галке выпали такие суровые испытания. Я ходила по серым каменным мостовым и слышала, как ужасающе громко в малолюдной тишине стучат деревянные подметки на ее обмороженных ногах... Я стояла возле железной двери с цифрой «1908», куда она вошла в первый вечер и где проспала, будто в обмороке пролежала, двое суток подряд, а мне все чудилось, что вот-вот из-за угла вынырнет вражеский патруль и начнет проверять документы... Я медленно подымалась по широким ступеням, ведущим к квартире Пахмурской, держалась за прохладные медные поручни, помнящие торопливые прикосновения Галкиных рук, и мне казалось, что сейчас в эту чистенькую горбатенькую улочку вползет рогатая пеленгаторная машина...

Однажды я долго стояла у знаменитого «Мальчика на льве», забравшегося на верхотуру старого дома, где останавливался еще Петр Первый. По преданию, как только к городу приближались чужеземцы, он седлал своего четвероногого друга и мчался бить тревогу. Как же ты допустил, легендарный мальчик, что на ажурных львовских балконах, прямо над головами прохожих, фашисты вешали людей? Что на трамваях сверкали черно-белой эмалью аккуратные таблички: «Только для немцев и их союзников»? Что погиб от вражеского снаряда смельчак Кмит, безотказно помогавший группе «Лукашевич»? Нет, зря тебя так прославляют...

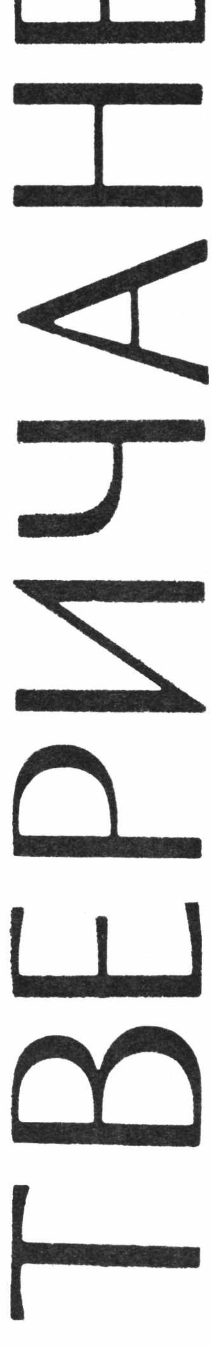
На одном из самых высоких местных костелов издавна выведено золотом: «Соли Део Гонор эт Глория» — «Одному Богу Честь и Слава». Богу ли? А Галке? А Ришарду? А всем сумевшим умереть достойно в этом городе? Не им ли как раз и «Honor» и «Gloria»?

Сколько б я ни ходила по Львову, сколько б ни разговаривала с Владеком — Петром Андреевичем Моравским, с его женой Стефой, некогда связной «Народной гвардии», а потом в знойном Измаиле — с Ришардом (Иван Прокофьевич Курилович каждое лето плавает на теплоходе по Дунаю, ведая питанием туристов), у меня не выходила из головы строчка все того же Гудзенко: «И остается грусть в груди осколком...» Война ведь и сейчас сидит в тех, кто хлебнул ее полной мерой.

Вернувшись в штаб фронта после гибели Ани и Сережи, Галка вскоре подала заявление о приеме в партию. «...ВЫСОКОЕ ЗВАНИЕ КОММУНИСТА ОПРАВДАЮ НА БОЕВОЙ РАБОТЕ»,— пообещала она тогда. И наивно так добавила: «ПРОШУ НЕ ОТКАЗАТЬ В МОЕЙ ПРОСЬБЕ». Я видела этот небольшой листок в той самой папке с грифом «Хранить вечно». Будто вчера написан! Только чернила чуть поблекли. Потом я видела, как держит Галка слово, данное десятилетия назад, как оправдывает звание коммуниста «НА БОЕВОЙ РАБОТЕ». Я не оговорилась: она до сих пор ежедневно сражается. И битва за совершенно чужого ей Алексея М.— лишь одна из многих. Хоть дралась она за него так, как дралась бы в открытом бою за свою первую любовь — Колю Гмошинского. Могилу его она так и не отыскала...

Вот какая она, Людмила Донская, которой доверено судить людей. Прошедшая путь от «Чижика» до «Символа». И остающаяся им до сих пор.

Да, а как все-таки насчет «особых» примет? Есть они у Донской? И есть... И нет... Абсурд? Ничего подобного: диалектика. Ну, скажем, много это или мало — двадцать пять лет? И много. И мало. Можно ведь сказать так: «Это же четверть века!» А можно и иначе: «Жизнь одного поколения»...

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Д. УХТОМСКОГО.

В один из солнечных, ярких дней прошлого года жители города Калинина собрались на берегу Волги. Собрались, чтобы проводить в далекую Индию тверского купца Афанасия Никитина, хотя 500 лет прошло с тех пор, как Никитин, низко поклонившись земле русской, друзьям, родичам своим, отплыл к неведомым берегам жаркой страны.

И вот снова ожило это событие — в театрализованном представлении Калининского народного ансамбля Дома культуры строителей — «Тверичане». Руководитель ансамбля и постановщик «Проводов за три моря» Евгений Иванович Комаров сумел вместе со своим коллективом талантливо воссоздать не просто эпизод глубокой старины родной Твери, ее народа, сердечного и веселого, но показать его одаренность, его лукавую песню, неудержимую пляску, душевную простоту, великую самоотверженность и любовь к своей Родине...

— «Проводы за три моря»,— рассказывает Евгений Иванович,— были как бы первым шагом на пути превращения нашего народного танцевального ансамбля в, как мы его называем, «театр народных танцев». Старинная Тверь с ее плясками, гуляньями, играми, прибаутками живет и в таких хореографических сценках наших, как «Волжанка», «Тверские ложкари», «Тверская слобода»... Сейчас готовим к Новому году еще одно представление, целый спектакль — «Широкая масленица». Уточняю: тверская масленица...

— Конечно,— продолжает Комаров,— дело это нелегкое. Здесь недостаточно пролистать историю родного края или сходить в музей тверского быта. Необходимы встречи с тверичанами, людьми, сохранившими в памяти своей старую народную Тверь.

Мне много приходится ездить по области, записывать забытые песни, частушки... Вот так обойдешь несколько человек, глядишь, по крохам соберешь сюжет для танца или сценки...

Евгений Иванович знаком со многими калининскими жителями, которые помогают ему в работе. Мы побывали у двух тверичанок. Одна из них, 84-летняя Зинаида Георгиевна Ходзько, в прошлом отличная плясунья, другая — 80-летняя Наталья Васильевна Степанова — когда-то известная песенница.

Зинаида Георгиевна, или просто бабушка Зина, как называет ее Комаров, дружит с Евгением Ивановичем давно. Не заставляя долго уговаривать себя, сразу начала она рассказывать про масленицу: и про то, как девки блины пекли и, откупая на вечер избу, добрых молодцев к себе в гости зазывали; и про то, как по главной улице (она тогда Миллионной называлась) гуляли...

— Тогда молодые-то стеснялись ходить парами, все больше стайками — ребята отдельно, девчата отдельно... А из танцев у нас была в моде кадриль, на масленицу же «Метелицу» плясали.

Заметив по лицу Евгения Ивановича, что название последнего танца мало ему знакомо, и про себя радуясь этому, бабушка Зина тут же прерывает свой рассказ и с видом терпеливого учителя выводит Комарова на середину комнаты, показывая несколько движений «Метелицы».

— Я ведь по натуре всегда веселая была, плясунья,— как бы оправдывается она перед нами.— Бывало, с подругами ни одного гулянья не пропустим... У нас, коренных рабочих и мещан, бульвар был, куда купцы не ходили (у тех свой клуб). По бульвару всегда городовой бродил: за порядком наблюдал. А в масленицу мы по этому же бульвару — на тройках, да еще к дуге блины привязывали. Часто какой-либо из домов устраивал в праздники представление, «цветной фонарь» называлось. Хозяева дома собирали красивых девушек-певуний, рассаживали их по скамейкам. Во дворе стоял разрисованный красками и украшен-

Участники ансамбля Елена Митюшкина и Юрий Зубочкин.

Лирический танец «Утушки».

Тверичаночка Лариса Нефедова.

Пляска «Тверские ложкари».

«Тверская слобода». Хореографическая сценка.

Танец «Волжанка».

ный лентами и цветами фонарь. Горожане, и стар и млад, заезжали на свет этого фонаря и щедро одаривали девушек деньгами и подарками за хорошее пение. Там же и сласти разные продавали... А игр сколько всяких было! И «колечко», и «фанты», и «лучина», и «соседи»...

По ходу разговора Зинаида Георгиевна время от времени подымается со своего места и из ящика старинного пузатого шкафа вытаскивает один за другим плоские сверточки, опоясанные тонкими тесемками: фотографии друзей, родственников, открытки с видами на бульвары тверские, улицы, церкви...

— Эти фотографии,— говорит нам Комаров,— для нашего ансамбля просто клад! Мы узнаем, какие одежды носили тверичане, будь то рабочие, крестьяне, купцы, мещане. В наших танцах, например, в «Тверской слободе», показаны костюмы самых разных сословий...

К концу своего рассказа бабушка Зина украдкой вытирает слезы:

— Пойте, танцуйте, пока молоды, и в песнях и танцах своих не забывайте нас, стариков. Нам жить не так уж много осталось.— И, вдруг вспомнив что-то очень важное для себя, добавляет: — Главное, чтобы войны не было...

Мы выходим на улицу. После долгого молчания Евгений Иванович замечает:

— Сейчас бабушка Зина думает: что еще забыла рассказать? И, я точно знаю, к вечеру попросит дочку позвонить мне — передать то, что вспомнила за эти часы. Нам дорого каждое ее слово, и я очень рад, что она чувствует это...

В тот же день мы заходим к Наталье Васильевне Степановой. Много песен записал у нее Комаров: хотя ансамбль считается танцевальным, Евгений Иванович требует от участников умения исполнять народные песни.

Наталья Васильевна встретила нас не очень приветливо: самочувствие плохое, не до песен... Однако в комнату провела, усадила. И тут понемногу разговорилась:

— Сама я родом из деревни... До сих пор вспоминаю, сколько, бывало, молодежи на гуляньях в селах собиралось, сколько свадеб играли! Теперь у нас в селе, например, стариков больше... Клуб построили, а ходить в него почти некому.

Сейчас на селе гармони не услышишь, а ведь раньше гармониста всегда пуще бога почитали. У меня вон все братья в гармонистах ходили. Бывало, окружит стайка парней и девчат одного из них, упрашивает: сыграй, мол, плясовую... Гармонист, как правило, долго-долго куражился, отказывался, а потом как развернет мехи, как пойдет веселье!.. Только так, в танцах и в песнях, после работы отдыхали...

Наталья Васильевна, подперев руками голову, очень высоким, тонким голосом тихо запевает:

Нам должно с тобой расстаться,
Тебя больше не видать,
Темна ноченька, не спится,
Сама знаю, почему...

По мере пения Натальи Васильевны дверь в комнату потихоньку приоткрывается, и в широкой щели показываются детские глаза.

— Внучка это моя,— прерывает пение Степанова.— Дитя еще, а уже любит и понимает наши песни, танцы...— И, уже весело, поет:

Не будите меня, молоду,
Ранешенько поутру...

* * *

На другой день мы сидим на самой обычной, с точки зрения участников ансамбля, репетиции калининских «Тверичан».

Постепенно заполняется огромный репетиционный зал. Сначала приходят 15-летние школьники Дима Комаров и Лена Митюшкина. Быстро переодевшись в черное трико, они старательно разминаются в углу зала. Но вот появляются и солисты — ветераны ансамбля... Галя Русакова — она работает спецмотористкой на швейной фабрике; Владимир Марченко — мастер производственного обучения; Олег Суриков — конструктор на механическом заводе; кассир Вера Назарова...

Лица их, слегка утомленные и усталые после работы, оживляются и веселеют при виде Евгения Ивановича, который всегда умеет подбодрить и расшевелить своих танцоров на разминке... Наконец обязательные упражнения заканчиваются, и ансамбль переходит непосредственно к отработке танцевальных номеров.

Для нас вся эта репетиция не совсем обычна. Сегодня, сейчас, на наших глазах один из старинных танцев обретает новую душу, вторую молодость, а может быть, рождается заново!..

Медленны, осторожны и поначалу не очень ловки движения ребят, разучивающих новый для них танец. Но вот хоровод убыстряется, ноги отстукивают все веселее и дробнее, все ярче разгораются лица танцующих...

Жив забытый танец! Долгой и славной жизни ему...

— Евгений Иванович,— обращаемся мы к Комарову после репетиции,— а ребята из ансамбля ходят с вами на встречи с тверичанами?

Комаров качает головой.

— Нет. Не получается пока! Старые люди в большинстве своем замкнуты, я бы даже сказал, стеснительны. Им все кажется (сами мне признавались), что молодые смеяться будут. Я ведь раз двадцать появлюсь у каждого из них, прежде чем попривыкнут они ко мне... Зато уж если привыкнут, то сами приходят, если что интересное вспомнят. Не забывают... А вот, например, 75-летняя Ирина Дмитриевна Скугарева: переехала жить под Ленинград, а недавно прислала письмо — еще одну хорошую песню вспомнила...

ГОД ЗА ГОДОМ

Так называется книжка театрального критика Вл. Пименова. Это сборник статей о современном советском театре и сборник воспоминаний о писателях и драматургах, ушедших из жизни, но оставивших в ней яркий след. Книга эта не претендует на полноту обобщения, на исчерпывающие характеристики, она фрагментарна, кое-где спорна, но в ней ощущается биение подлинной жизни, в портретных очерках подмечены верные, точные и теплые детали, свидетельствующие о зорком взгляде автора, о его умении проникнуть в душевный строй своих героев.

Годы идут неостановимо, пройдет десяток-другой лет, и такие книги лягут на стол исследователей как документ времени, документ для изучения обстоятельств и фактов, канувших в прошлое, но ставших тем более важным свидетельством. Память человека несовершенна, детали уходящего быстро тускнеют, исчезают в наплыве вновь возникающих событий, и поэтому появление таких книг, написанных непосредственно по следам жизни, следует всячески приветствовать.

В статье «Раздумье и факты» автор пишет: «В прошлое стало уходить и однообразие режиссерских и актерских манер, при котором нельзя было отличить один театр от другого, при котором не существовало такого понятия, как «творческое лицо театра». Начался медленный, но верный, ныне активизирующийся процесс обретения своеобразия, возникший давно — во времена становления театра социалистического реализма».

Об Александре Фадееве существует целая литература. Уже прошло около пятнадцати лет, как он ушел из жизни. И тут каждое зерно воспоминаний, каждая, казалось бы, малая новая деталь драгоценны. В своей теплой статье о Фадееве автор пишет: «Свое настроение он старался прятать, чтобы оно не отражалось на других. Облако печали и грусти набегало на его лицо только в моменты, тяжелые для всех. Мне запомнилось его растерянное лицо, сжатые губы и какие-то страшно открытые и невидящие глаза, когда он нес гроб Вишневского на Новодевичье кладбище. Это был другой Фадеев, вдруг сильно постаревший, страдающий».

Какой-то новый ракурс, новая деталь — и личность Фадеева с ее ранимостью, остротой переживаний становится яснее, определенней.

Говоря о Н. Погодине, Вл. Пименов вспоминает такую деталь: «Когда он шел один, все равно где—на улице, в фойе театра, в Союзе писателей,—он сосредоточенно смотрел вниз, и лицо его было сердитым. «Как тут быть, обижаются, что я не здороваюсь, думают, что я задавака, нелюдим, а я просто плохо вижу и боюсь пойти не туда и кого-нибудь толкнуть»... Он не льстил, не ласкал словом, не выбирал любимчиков, не создавал вокруг себя «окружение», как делали и делают, к сожалению, иные литературные авторитеты. Погодин был для всех одинаков и для каждого по-своему особенный».

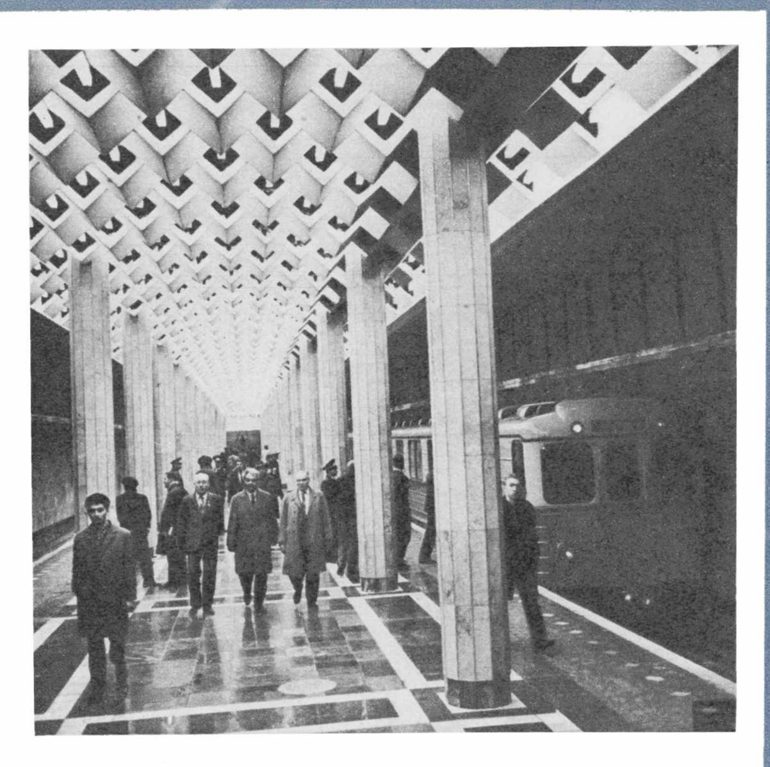
Вереницей проходят в книге портреты драматургов — знаменитых, забытых и полузабытых, и каждый из них характерен чем-то своим, лишь ему присущим, точно и верно подмеченным автором книги,— пылкий, стремительный, яростный Б. Ромашов; «морская косточка», всегда подтянутый, элегантный Б. Лавренев; старый большевик, соратник Ленина, автор превосходной пьесы «Семья» Иван Попов; чудаковатый и прелестный в своей чудаковатости Дм. Смолин, написавший пьесу «Иван Козырь и Татьяна Русских»; полный всяческих идей и замыслов, веселый, жизнерадостный и жизнелюбивый Л. Шейнин, которого автор нежно называет Левушкой; Анатолий Глебов, перу которого принадлежат пьесы «Загмук», «Инга» и немалое число превосходных рассказов,— сдержанный, немногословный, с милой, застенчивой улыбкой человек — в прошлом дипломат, наркоминделец; очень талантливый драматург тамбовец Д. Девятов. Всех их знал и, главное, любил автор книги, ибо без любви, теплоты, дружеского внимания не напишешь портрета, непременно упустишь что-то главное, какую-то, может быть, малоприметную, но характерную и привлекательную черту.

Книгу Вл. Пименова читаешь с удовольствием — она познавательна, многое дает молодому читателю, а у людей старшего поколения возбуждает воспоминания и живые картины уже ушедшего, но всегда памятного прошлого.

Ник. КРУЖКОВ

Вл. Пименов. Год за годом. Статьи и очерки. Издательство «Советский писатель», 1970.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ...

ПОДЗЕМНЫЕ ДВОРЦЫ

Голубые экспрессы появились на подземных трассах Баку всего три года назад. Гораздо легче и короче стал теперь путь к зданию Баксовета, к площади, где застыл мемориальный комплекс 26 бакинских комиссаров, к железнодорожному вокзалу, к республиканскому стадиону, к другим жилым и промышленным центрам столицы. Красивы и необычны подземные вестибюли, в оформлении которых отражаются национальный колорит и многие славные традиции города. Станции одеты в мрамор и травертин, сияют морем огней. Своеобразие четырех из шести станций первой очереди голубой магистрали отмечено премиями Союза архитекторов СССР.

На схеме метрополитена азербайджанской столицы, выпущенной год назад, строящиеся участки окрашены красным пунктиром, а перспективные — зелеными линиями. Метростроевцы Баку с помощью московских коллег внесли приятную поправку в эту схему. В день рождения В. И. Ленина экспрессы подземки помчались на станцию «Улдуз», заложенную в самом центре того района Баку, где сосредоточено много крупных промышленных предприятий и исследовательских учреждений. Через год они пойдут к поселку «Восьмой километр», в новых домах которого справили новоселье сто тысяч семей.

Сегодня стальные дороги бакинского метро, дугой огибающие морскую бухту, протянулись на многие километры. В ближайшем будущем они пересекут город во всех направлениях, устремятся на нагорное плато, шагнут к взморью, уйдут в новые микрорайоны.

Г. ПОГОСОВ

На снимке: станция «Улдуз».

Фото К. Владимирова.

АТОМНЫЙ ДУШ

Шестнадцать небольших цезиевых источников упрятаны за плотной, весом в несколько сот килограммов, броней. Они-то и являются основным «инструментом» атомной установки, которая служит для предпосевного облучения семян. Небольших размеров, я бы сказал, «домашний» атомный прибор, вероятно, скоро станет привычным сельскохозяйственным инвентарем. А пока это новинка. Одно из ее преимуществ — простота. Семена ссыпаются через расположенный наверху люк в бункер, задерживаются около атомного облучателя, а затем контейнер опрокидывается, и семена, вобравшие в себя частичку атомной силы, высыпаются в кювет. Можно высевать их в поле. Надежно и просто.

Облучение семян не только повышает сопротивляемость растений непогоде и недугам, но и, как правило,

СВЕТ НЕСУЩИЕ

Вы включили телевизор, и вскоре экран затеплился мерцающим матовым светом. Вряд ли вы задумываетесь при этом, почему ожил экран. Между тем если бы в пудовом телевизоре недоставало порошка весом в три грамма, то не было бы и свечения. Именно эти три грамма образуют тончайший слой покрытия экрана.

Порошок этот — люминофоры. О них говорят так: свет несущие, то есть вещества, люминесцирующие под действием света, радиоактивных и других лучей. В переводе с латинского слово «люминесценция» означает «слабое действие света». Так сказать, ленивый свет. Инженер-химик Ставропольского завода химреактивов и люминофоров Сергей Сухинин может часами с увлечением рассказывать об этом удивительном явлении. Он ведет меня в цех. Здесь царство фарфора, стекла, эмали, полиэтилена, кондиционированного воздуха, постоянной температуры и идеальной чистоты. Иначе будет брак. Сейчас в люминофорах лишь одна десятитысячная доля посторонних примесей. Но и до нее химики уже добираются...

Мне показывают плоскую коробку. В ней под стеклом белые кружочки, напоминающие шашки. Но стоило поднести коробку к аппарату, излучающему ультрафиолетовые лучи, и кружочки ожили, вспыхнули всеми цветами радуги.

Все, с кем я беседовал о люминофорах, говорили о них с большой гордостью. И не без основания: с вводом в строй Ставропольского завода страна уже не испытывает недостатка в люминофорах, бывших прежде остродефицитными. Более того, наши люминофоры и особо чистые химические вещества вышли на международный рынок.

Иван ХВОРОСТИНА

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Жизнь Федора Ивановича Шаляпина, великого артиста и человека, знакома нам, казалось бы, до мелочей. И все же есть какие-то эпизоды, до сих пор неизвестные.

Летом 1918 года Шаляпин выступал с концертами в Луге (ныне Ленинградской области). Однажды — это было 9 июля — после выступления в городском госпитале его пригласила в гости главврач госпиталя Е. А. Соболева, отмечавшая день рождения.

За праздничным столом Федор Иванович был оживлен и весел, много пел, шутил, рассказывал о своих гастролях в Париже. Вспомнил, как однажды, по пути из Парижа в Испанию, проезжал мимо развалин древнего цирка и ему предложили там спеть. И вот в полночь, при лунном свете, Шаляпин, забравшись на самый верх полуразрушенной стены, спел арию Демона. Собравшаяся внизу публика хранила молчание, певец так и уехал при полной тишине. И какова же была его досада, когда выяснилось, что голос относило ветром далеко в сторону, и, значит, никто не слышал ни единого звука...

В доме Екатерины Александровны Шаляпин прожил несколько дней. Здесь ему и работалось хорошо и отдыхалось. Как-то вечером, катаясь на лодке, Шаляпин запел «Из-за острова на стрежень». Время было военное, и громкое пение в поздний час не понравилось сторожу, который с берега окликнул певца и сердито потребовал «прекратить безобразие». Когда же артист назвал себя, сторож, разумеется, не поверил и окончательно рассвирепел...

Часто хозяйка дома подшучивала над Федором Ивановичем, говоря, что теноров любит куда больше, чем басов, и тогда Шаляпин пел тенором, а Екатерина Александровна записывала пение на грампластинку. Впоследствии, слушая эти записи, никто не мог поверить, что это голос Шаляпина.

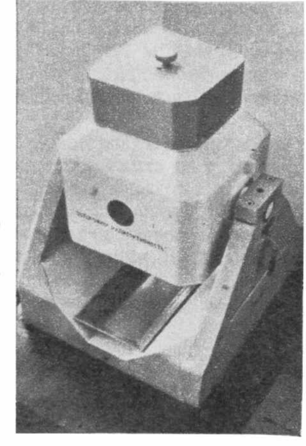
В. ГИТЕЛЬМАХЕР

На снимке: Ф. И. Шаляпин в Луге, среди врачей и медсестер госпиталя, которым руководила Е. А. Соболева. 1918 г.

улучшает их биохимические свойства. Институт биологии Латвийской ССР, установив небольшой предпосевной атомный душ, добился увеличения урожая свеклы на девять центнеров с гектара, а также повышения сахаристости клубней на 0,5 процента. В краснодарском совхозе объединения «Лекраспром» предпосевное облучение семян моркови стало фирменным агрономическим приемом, заметно повышающим выход каротина.

— Выпуск изотопных приборов для сельского хозяйства увеличивается,— сказали мне во Всесоюзном объединении «Изотоп».— В частности, сейчас серийно выпускается передвижная производственная установка «Колос», обрабатывающая за час до тонны семян. Опасно ли такое облучение? Не более, чем облучение солнечными лучами.

К. БАРЫКИН

Так выглядит установка.

Фото автора.

«ОГОНЬКУ» СООБЩАЮТ...

«УРАЛЫ» ДЕРЖАТ ЭКЗАМЕН

Всюду хорош «Урал»: в тундре и в тайге, на песчаных трассах и заваленных снегом проселках... Грузовики-вездеходы Уральского автомобильного завода прославили себя на дорогах нашей страны и за рубежом. Автостроители Миасса, выпускающие эти машины, совершенствуют сейчас производство, улучшают конструкцию «Уралов» и увеличивают их выпуск.

На снимке: уральские вездеходы перед сдачей в заводской отдел сбыта испытываются на ходу.

Фото Б. Клипиницера (ТАСС).

ИЗ МЕНЮ КАШАЛОТА

Три раза в месяц выходит эта книга. «Открытия, изобретения, промышленные образцы, товарные знаки». Издание Комитета по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР. Книга информирует о новых работах, отмеченных авторскими свидетельствами. Среди них и свидетельства успешной работы конструкторов, ученых в сфере нашего быта.

...Обыкновенный плавленый сырок. На этикетке — название «Коралл» и изображение небольшого рачка. Это криль, пища китов. Плавая, они процеживают сотни тонн воды для того, чтобы позавтракать. Судя по «Кораллу», изысканно. Криль содержит насыщенный микроэлементами белок. Но к нашему столу криль долго не мог попасть. Свои достоинства он терял уже через несколько часов после того, как его поднимали на палубу. Никак не удавалось найти способ сохранить улов. И вот авторские свидетельства. Они выданы М. И. Крючковой, Л. Л. Логунову и Н. Е. Николаевой на технологию переработки и консервации белковой массы криля и на уже знакомый многим покупателям сыр, имеющий вкус креветок.

...Булочная. За стеной, отделяющей прилавок от склада, в часы пик рабочие едва успевают разгружать деревянные подносы. Знакомая картина. А в Киргизии хлеб на прилавок попадает прямо из печи... Здесь прилавок стал в то же время контейнером для батонов и булок. Никаких дополнительных перегрузок изделий. Быстро, гигиенично. Посетителям булочных Фрунзе, где уже есть новые контейнеры-прилавки, они очень нравятся.

Г. ПШЕНИЧНЫЙ

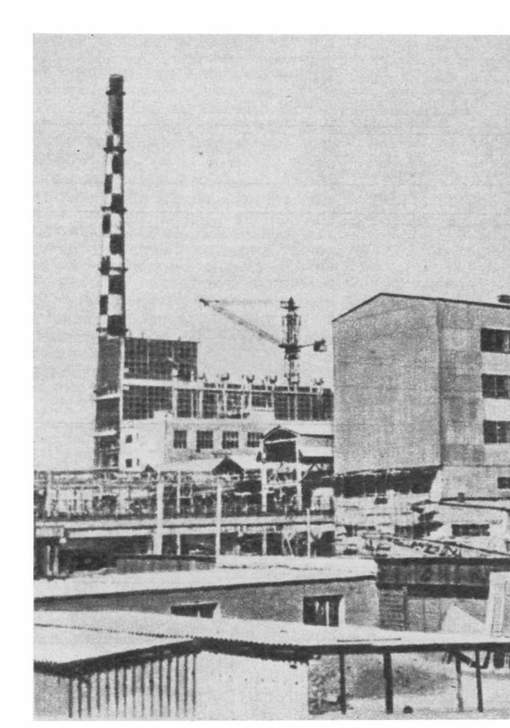
ПОШЕЛ УЗБЕКСКИЙ ЦИНК

«Огонек» уже сообщал о разнообразнейших талантах узбекистанского индустриального уникума — горно-металлургического комбината имени В. И. Ленина в Алмалыке. Он производит первоклассную медь, самую дешевую в стране серную кислоту (из конвертерных газов медеплавильного завода, которые совсем недавно лишь загрязняли окрестный воздух!), медную катанку любых калибров, концентрированные витамины полей — туки.

Недавно в Алмалыке началось и производство цинка. Новый цинковый завод дал первые высококондиционные образцы металла.

Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»
Фото И. Душкина.

На снимке: общий вид Алмалыкского цинкового завода.

КНИГА-МАЛЮТКА

Оригинальное, редкое издание, которое умещается на половине мизинца. Оно в шестнадцать раз меньше привычного книжного формата. Над его созданием в течение года работали тридцать выпускников и студентов Ленинградского издательско-полиграфического техникума.

Молодые полиграфисты блеснули своим незаурядным мастерством. Весь тираж изготовлен отлично. На 328 крохотных страничках отпечатана Краткая биография Владимира Ильича Ленина и проиллюстрирована портретами, относящимися к разным годам его жизни и деятельности. Нельзя не отметить особую тщательность отделки книги-малютки, яркость, четкость печати, которая читается легко, несмотря на мелкий шрифт.

Ирина СЫСОЕВА,
студентка факультета журналистики Ленинградского университета

ВОДА ДЛЯ ПАНЕРЯЙ

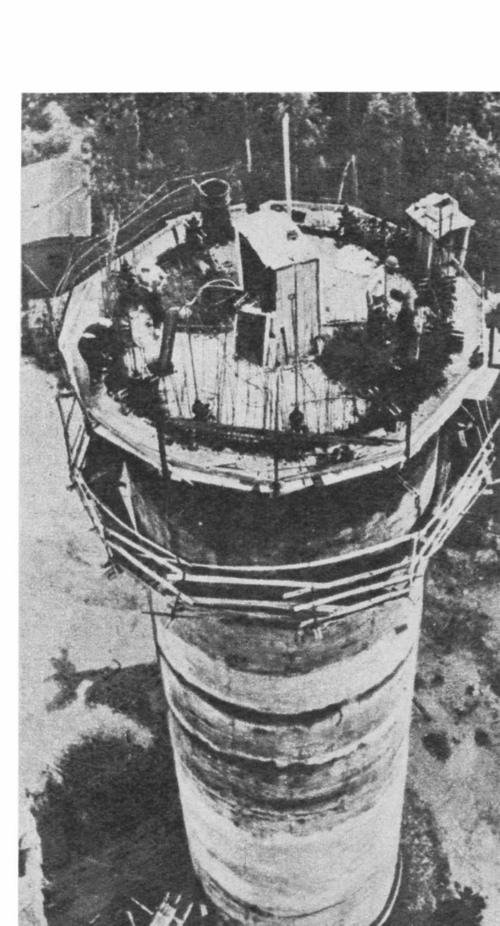
В нескольких километрах от Вильнюса, отделенный от города большим лесным массивом, раскинулся новый промышленный район столицы республики «А Панеряй». Отныне воздух в городе уже не будут загрязнять крупные заводы и грузовой автотранспорт.

Однако вынесенные за черту города такие предприятия, как крупнейший в стране завод бытовой химии «Спиндулис», опытно-промышленный завод ферментных препаратов, и другие потребовали море воды. До 700—900 кубометров в час. Как решается водная проблема? Строители уже пробурили девять артезианских скважин и построили мощную, самую высокую в республике, 54-метровую водонапорную башню.

Р. ИВАКИН

На снимке: бригада монтажников Вильнюсского треста железобетонных конструкций возводит башню. Руководит коллективом Юозис Соулянес.

Фото автора.

Строфам Баба Тахира немногим меньше тысячи лет. Их автор иранец, уроженец города Хамадана. А сберегла эти чудесные образцы любовной и философской лирики народная память. Уж очень они популярны в Иране. Их заучивают, украшают ими повседневную речь в Афганистане и в Индии. Любимы они и в нашем Таджикистане.

С веками стерлись реальные черты биографии автора, и он превратился в личность легендарную. Полагают, что родился он в последней четверти десятого века нашей эры, а умер после 1055 года.

Баба Тахир носил прозвище «Урьян», что означает «голь», «голяк» и указывает на то, что поэт вел образ жизни дервиша. Его стихи написаны не на литературном фарси, а на лурском диалекте, родном диалекте поэта.

Робаят Баба Тахира переведены на многие языки: арабский, армянский, турецкий, а также на немецкий, английский, французский и чешский. На русский язык были переведены лишь несколько четверостиший. В настоящее время полный сборник робаят Баба Тахира готовится к изданию главной редакцией восточной литературы издательства «Наука» в переводе Дмитрия Седых.

Газанфар АЛИЕВ,
кандидат филологических наук

РОБАЯТ

БАБА ТАХИР

* * *

Я море, что бурлит, вкрапленное в алмаз,
Над буквой точка, та, что суть меняет фраз.
В тысячелетье раз приходит в мир достойный,
Я тот, что родился в тысячелетье раз.

* * *

О вы, кто на земле обижен небесами,
Хочу скорбить, стонать, кричать от боли
с вами.
Отправимся в цветник с безумным соловьем,
Не зарыдает он, так зарыдаем сами.

* * *

Качаясь, брел домой, и ноги подкачали:
Я чашу уронил. Стою над ней в печали,
Гляжу: она цела. Да славится аллах!
Ведь чаш разбитых — тьма, хоть их
и не роняли.

* * *

Опять спустилась ночь в закатной тишине,
И снова, как вчера, душа моя в огне.
Боюсь, из-за любви к красавице неверной
И вера в небеса дотла сгорит во мне.

* * *

Мне шепчет, шепчет рок, твердит неумолимо:
«Боль сердца твоего, увы, неисцелима.
Ты на земле чужой. На душу спроса нет,
И, хоть алмазом будь, пройдет прохожий
мимо».

* * *

Любимая моя, твой взор, когда-то чудный,
Теперь всегда сонлив, куда сонливей будней.
Мудрейшие твердят, что ты живешь во сне.
Какой же это сон, когда он беспробудный?

* * *

Вздохну — ударит гром раскатом в небесах
И в землю из груди уйдет последний страх.
О, берегись огня тобою обожженных,
Как паводок, его не сдержишь в берегах.

* * *

Таким уж создан я — веселым и печальным,
И все ж нельзя меня считать необычайным.
Из праха создан я. Кого там только нет?!
А значит, я таким родился не случайно.

* * *

Могу ли я тебя в разлуке позабыть?
Иной свободы нет, как, мучаясь, любить!
И если в сердце ты остаться не захочешь,
Покою в нем не быть и красоте не быть.

* * *

За что наказан я, о небо? Разве мало
Я пролил слез? Уймись! Начнем игру сначала.
Ты на игральный стол с заоблачных высот
Меня швырнуло вниз и крупно обыграло.

* * *

Тобою потрясен я, словно ад, пылаю,
Неверным так пылать — и то не пожелаю,
И все же на огонь лечу, как мотылек.
А может, этот ад и есть блаженство рая?

* * *

Всей красоты твоей я так и не постиг,
Тюльпаны с горных круч ко мне приходят
в стих,
Но ты красивей их, к тому ж цветут неделю,
А ты надежда всех бессчетных дней моих.

* * *

Без мыслей о тебе не в силах жить и дня,
А ты творишь лишь то, что мучает меня.
Как малое дитя, я плачу от бессилья,
Ногами топочу и злюсь, тебя кляня.

* * *

Не закрывай ушей, создатель, на замок!
Внемли мне! Ты один, я тоже одинок.
Твердят, что не́ дал бог друзей Баба Тахиру,
А что ему друзья, коль друг Тахира — бог.

* * *

Ты знаешь, как помочь, так пожелай помочь
В блаженство превратить мою любую ночь.
Так хочется порой, чтоб длилась бесконечно,
Порой — чтоб убралась сию минуту прочь.

* * *

В могиле сладок сон под грудою камней,
Но как пошевелить конечностями в ней?
Как, лежа в тесноте, сражаться с муравьями?
А змеи, о творец! Как удирать от змей?

Гравюры на дереве
Ю. КОСМЫНИНА.

* * *

В обитель сердца ты приходишь поздней
ночью.
Во мраке образ твой расплывчат и неточен.
О, как бы я желал твоей ресницей стать,
Чтоб разгадать твой взор и знать, чего он
хочет.

* * *

О сердце, я люблю, но совесть не на месте.
Твердят, что нет во мне малейшей капли чести.
А кстати, так ли честь влюбленному нужна?
Скорей твердят о ней завистники из мести.

* * *

Ни крова, ни друзей. Куда идти Тахиру?
Вдвоем с тоской своей куда идти Тахиру?
К вам, небеса? Твердят, что вы добрей земли,
А если не добрей, куда идти Тахиру?

* * *

Всевышний судия! Так поступать не дело.
Ни ночи нет, ни дня, чтоб сердце не болело.
Я вечно слезы лью, и все из-за него.
Возьми его назад, оно мне надоело.

* * *

Создатель, видно, ты покинул небосвод.
Душа моя болит, и сердце слезы льет.
Как радоваться мне, когда у недостойных
Ты коротаешь дни и ночи напролет?

* * *

Ты мой дворец! Для глаз нет ничего милее.
Ступай в мои глаза, любимая, смелее.
Но берегись ресниц! Заденешь хоть одну —
И занозишь ступню неосторожно ею.

* * *

Нет, я твоей любви, красавица, не верю,
Покуда не придешь, не постучишься в двери.
Я сеял семена, я взращивал любовь,
Но с поля я собрал пока одни потери.

* * *

Создатель, все равно: сказать или смолчать —
И мысли все твои, и на устах печать.
Сорвешь ее — скажу, сорвать не пожелаешь,
Так, собственно, тогда мне нечего сказать.

* * *

О горе мне! Как быть? Какой надеть наряд?
Едва придет на ум примерить все подряд
Семидесяти двух народов одеянья,
Еще десяток вер провозгласить спешат.

* * *

Молчанию гробниц мой плач вполне под стать,
Хоть плачу оттого, что не могу молчать.
Мне говорят: «Молчишь, не знаешь, значит,
горя».
Нет, горя я хлебнул, да мочи нет кричать.

* * *

Как в тигле, о любовь, ты плавишь сердце мне
По долгим вечерам на медленном огне,
И я готов мести ресницами дорогу,
Которой ты придешь в полночной тишине.

* * *

Тащу тяжелый груз всех в мире слез и ран.
Да разве я верблюд, ведущий караван?
Печальнее всего, что я уздою скован,
А повод подлецам тобою в руки дан.

* * *

Коль изловчусь схватить за горло небосвод,
Не отмолчится, нет, открою силой рот.
Пусть скажет: почему одним дает лепешку,
Другим же — сотни благ и тысячи щедрот?

* * *

Поговорим с тобой, о сердце, друг печальный!
На горестном пути не оступись случайно.
Я верю, день придет, и предо мною вдруг
Возникнет средь шипов цветок необычайный.

Перевод Дмитрия СЕДЫХ.

ПИСАТЕЛИ • КНИГИ

О ЛЕСАХ И О ЛЮДЯХ

Знающие Ефима Пермитина люди рассказывают: писатель не раз подчеркивал, что в судьбе главного героя его автобиографической трилогии всего лишь десять процентов художественного вымысла, остальное — подлинные эпизоды, взятые из жизни. А жизнь этого интересного и своеобразного писателя вместила в себя так много событий, такое изобилие встреч, что рассказ о них увлекает любого, кто начнет знакомиться с судьбой Алеши Рокотова — человека незаурядного, самобытного, яркого. Такими людьми издревле славилась наша земля и гордился народ.

«Поэма о лесах» писалась автором восемнадцать лет. Уже одно это говорит о том, насколько тщательно и серьезно работал Ефим Пермитин над своим романом-трилогией. И о том, как нелегко создаются настоящие художественные произведения, как сложен внутренний мир художника, мы также узнаем из этой книги со скромным и простым заглавием.

«Жизнь, как дорога: то поднимается вверх, то опускается под гору, независимо от желания человека.

Житейски мудрый отец Алексея, словно предвидя судьбу сына, еще в начале его пути сказал: «И через не могу — моги, когда грянет даже и неподсильное испытание — а в жизни, сынок, и такое может быть! — чтобы ты его встретил и одолел, как настоящий мужчина». Такими словами начинается эпилог трилогии Ефима Пермитина. В них ключ к пониманию характеров и писателя и его героя. Но это же и ключ к пониманию того времени, которое описано автором.

И читателям и взыскательным критикам полюбились романы Ефима Пермитина за красоту характеров, за светлое понимание человека, за колоритность, сочность языка, за умение так построить сюжет, что он неотрывно ведет за собой, заставляя сопереживать описываемые автором события в полную меру. И не только чудесными пейзажами, впечатляющими описаниями красот сибирской тайги покоряет наше внимание писатель. Ему удалось с той же поэтической увлеченностью передать всю сложность и насыщенность атмосферы литературного мира Москвы двадцатых—тридцатых годов. «Поэма о лесах» передает, казалось бы, сам аромат времени. Секрет этой писательской удачи раскрыл нам автор в эпилоге романа, когда отметил, что «и для Алексея, да, пожалуй, и для умного читателя» ясно: «ведь прошлое глядится в грядущее».

Прошлое глядится в грядущее... Такие слова заставляют о многом задуматься. На серьезные размышления наводят и многие страницы этого романа.

«Поэма о лесах» — книга не только увлекательная, но и во многом поучительная. Поиски счастья, поиски смысла жизни, стремление человека к прекрасному — все это составляет содержание и суть романа Ефима Пермитина. Рассказом о судьбе Алексея Рокотова писатель подводит нас к главному итогу: «...чтобы смело, с надеждой глядеть в грядущее, нужна великая человеческая цель. Без цели нет подвига жизни». Судьбу Алексея Рокотова можно целиком определить этими словами. Этими же словами можно определить и итог многолетней работы самого писателя над романом.

Ефим Николаевич уже прожил на земле, среди людей и природы, семьдесят четыре года. Он умудрен, проницателен, правдив и так же пристрастен к жизни, как и лучшие герои его произведений. В свои зрелые годы, с высоты прожитых лет и пройденных путей писатель спокойно и уверенно говорит нам о земной и человеческой красоте.

Владимир ОМУЛЕВ

Ефим Пермитин. Поэма о лесах. Заключительная часть трилогии о жизни Алексея Рокотова. Издательство «Московский рабочий». 1970.

КОМУ ОТДАНО СЕРДЦЕ

За свою долгую жизнь Анна рожала много, но в живых у нее осталось только пятеро: три дочери и два сына. Одна дочь жила в районе, другая в городе, а третья и совсем далеко — в Киеве. Старший сын после службы в армии тоже перебрался в город, а у младшего, у Михаила, который один не уехал из деревни, мать доживала свой век, стараясь не досаждать семье своей старостью.

Сюжет повести молодого иркутского писателя Валентина Распутина построен не совсем обычно: время действия — несколько дней, место действия — изба в сибирском селе, героиня — умирающая старуха. Но это не помешало автору развернуть яркое полотно жизненных коллизий. Перед нами — судьба Анны и разные судьбы ее детей. Реальность, выпуклость образов, подлинность изображаемого говорят о прекрасном знании писателем жизни. В повести ничего надуманного, наносного, одна суровая, порой жестокая, немилосердная правда жизни.

Многие образы повести оставляют глубокое впечатление. Перед нами проходят живые люди со всеми своими достоинствами и недостатками. Младший сын старухи, Михаил, оказался более чутким, чем самая ласковая из его сестер — Татьяна. Он солгал умирающей матери, что любимая ее дочь не приехала потому, что он «отбил» ей вторую телеграмму — об улучшении здоровья матери. Главная проблема повести — это семья, взаимоотношения детей не только с матерью, но и между собой. Автор как будто бы только утверждает, что молодежь, уходящая из отчего дома на жизненные просторы, не должна порывать связь с самым близким человеком — матерью, и особенно с престарелой матерью, которая нуждается не в материальной поддержке, а во внимании, в душевной близости детей. Но за этой вроде бы обычной ситуацией возникают глубокие нравственные проблемы.

Образ самой старухи матери, принимающей смерть как нечто обязательное, заканчивающее ее трудовую жизнь, удивительно выразителен и правдив. Прожитая ею большая и чистая жизнь противостоит в повести нищенской философии мещанства, эгоизма ее детей. И в том, что писатель художественно исследует причины этих болезней, его большая заслуга. Автор, несомненно, строгий, требовательный к себе художник. Пишет он как будто спокойно, но за этим спокойствием чувствуется большая писательская и человеческая взволнованность.

Язык повести насыщен местным сибирским говором, так что иногда может показаться, не излишне ли это. Но, когда прочитана вся повесть, становится совершенно ясно, что другим языком герои повести говорить не могут, а если бы и заговорили, то не получилось бы той колоритной картины жизни и быта, которые удалось воссоздать В. Распутину.

Повесть «Последний срок» воспринимается как поиск молодым писателем своей генеральной темы, своего эстетического и нравственного идеала, своей художественной палитры.

Виктор ШИШОВ

Валентин Распутин. Последний срок. Повесть. Журнал «Наш современник» №№ 7, 8 за 1970 год.

Иван РЫЖОВ

Рассказ

Рисунок Г. БАСЫРОВА.

Блажной

I

Весна в этом году выдалась ранней, и уже к концу февраля небо стало быстро очищаться от свинцового покрывала, стало наливаться синевой, и снег прямо на глазах начал набухать, сереть, терять свою миткальную белизну, оседать по пригоркам, и появились уже первые проталины, закурились, задымились паром в полдень. С крыш домов повисли, нацелились в землю острые, как пики, мутно-белые с утра сосульки, и Матвей Козлов, с опаской поглядывая на них, думал: «Тюкнет по башке такая, и хана...»

Но думалось ему об этом почему-то весело и приятно.

Он всегда с нетерпением ждал прихода весны, и уже в январе жадно принюхивался к морозному крепкому воздуху, и каким-то своим особым чутьем различал еще далекие и неясные запахи весны. Он шел за овраг, где росли клены, и долго мял, растирал короткими и крепкими пальцами кленовые почки, и от них начинало пахнуть молодым, зеленым горохом. И Матвей волновался тогда, заходился от этого острого запаха.

Жил Матвей на самой окраине города, и поля, небольшие перелески были совсем рядом, и это тоже было ему приятно. Деревянный дом покосился слегка, потемнел от времени, и Матвею не раз намекали, чтобы продал он его, и тогда дадут ему хорошую квартиру в центре города.

— Как-никак, ты передовик производства. Карточка вон твоя висит на Доске почета,— говорили ему.

Но он наотрез отказался от этих предложений, хотя жена тоже настаивала, пилила его. И люди удивленно пожимали плечами.

— Чудит что-то Матвей. С огородом, садом не хочет расставаться — все лишний рупь в доме,— предполагал кто-нибудь.

«Дураки,— усмехался Матвей, слыша эти разговоры.— Ну и дураки...» Три яблони и груша — вот весь и сад его. Да две сотки земли, на которую Анна понатыкает и картошки, и луку, и моркови, и черт знает что. А в результате и не растет толком ничего. Пробовал он по-своему распорядиться этой землей, но куда там...

Ездить на работу тоже было далеко, почти в самый центр. Работал Матвей слесарем на машиностроительном заводе и не раз злобился, ругал дорожные порядки, особенно утром и вечером — в часы «пик», и мелькала иногда мысль бросить завод и устроиться куда-нибудь поближе. Но куда? Заводов и фабрик на окраине не было, а идти в артель скобяных изделий, что расположилась неподалеку, не хотелось.

— Что я, инвалид, чтобы идти в эту шаромыжную контору? — супился Матвей, когда Анна, слыша, как он ворчит и ругает далекую дорогу, духоту и тесноту в автобусах, уговаривала его устроиться туда — и заработает он там не хуже и работа не пыльная, легче, чем на заводе...

Анна работала в артели счетоводом.

— Ну и работай, ежели нравится,— насмешливо отвечал Матвей.— А мне с инвалидами не с руки.

Был он крепок весь, слегка приземист и широк в кости, румянец так и пылал на его круглом мягком лице. И не болел, хотя пришлось ему холодать и голодать не раз — прошел он всю войну и трудные послевоенные годы.

— Ну и здоров ты, Матвей,— удивлялись товарищи.

— А это во мне крестьянская жила крепкая,— хвастался он.— Вы и воздуха настоящего не хлебали, земли не нюхали...

Родился и жил Матвей в деревне и никогда не думал, не предполагал, что придется жить ему в городе, работать на заводе. С малых лет умел он запрягать лошадь, подвозил сено к стогам, зерно на тока, а потом освоил и трактор и после семилетки не пошел дальше учиться в школу в соседнюю деревню, а поступил на курсы трактористов и не мыслил уже другой работы.

Но война перепутала все на свете. На войну Матвей пошел охотно, без страха и воевал старательно, будто делал нужную и привычную работу, но все ждал конца войны, чтобы вернуться домой, к земле, к своим крестьянским обязанностям. Но не сбылись мечты Матвея. Узнал он, что немцы разбомбили его деревню и погибли все его родные, и сжалось сердце Матвея от боли, и стал он молчаливее, угрюмей и воевал еще старательнее: к концу войны был он уже сержантом и имел орден и четыре медали, но где-то тайно надеялся, что цела его деревня и живы мать с отцом, старшая сестра; и только когда вернулся и увидел, как разрушена и сожжена деревня и почти все погибли в той страшной бомбежке, поверил, что это правда, и не знал, что делать, куда податься.

— А ты поселяйся в моей землянке,— пригласил дед Афоня.— Заместо своего будешь.

И Матвей поселился у него. От деда Афони и узнал все подробности: и как остановилась в их деревне наша батарея и, по словам деда, стреляла с утра до ночи — уж больно укрепились немцы на том берегу речки, а потом прилетели немецкие самолеты — тьма-тьмущая — и зачали бомбить.

— И не приведи такое видеть.— Дед Афоня закуривал и отворачивался от Матвея.— Стреляют наши, они — свету белого не видно. Нам, дуракам, бежать куда в поле, а мы забились по углам, а они долбають и долбають...— И дед Афоня задумчиво замолчал, затягивался вонючей, пополам с сушеными лопухами махоркой, должно быть, вспоминая виденное, переживая его заново.

— И что дальше, дед? — торопил, напоминал Матвей.

Не терпелось ему почему-то услышать вновь о гибели деревни, родных, вообразить ту страшную картину.

— А ничего,— угрюмо отвечал дед Афоня.— Гахнуло по нашей хате, и очухался я на огороде. Мотрю, а деревни-то и нету. И тишь кругом мертвая. Побег я к себе, а хаты не вижу. Все разворотило. И своих не нашел...

— А мои, дед?

— И твоих не видал — всех в куски,— неохотно уже отвечал дед Афоня и почему-то добавлял: — И батарею поломали всю.

Дед Афоня вставал и звал Матвея соби-

рать доски, оставшиеся бревна — строить избу.

— Не в этой же норе жить,— объяснял он.— Возвернутся вот другие фронтовики, и зачнется жизнь. Не помирать же... Вон и Марья что-то хлопочить.

В деревне, кроме деда Афони, остались живы Марья Егорова с дочкой, Дашка Рожнова и тринадцатилетний Васька Скорнин.

Но в Матвее будто что надорвалось внутри, не хотелось ему видеть эти развороченные пепелища, строить новую избу — был он скучный и вялый. Стал он наведываться к дальней тетке в соседнюю деревню, пропадать там днями, стал все чаще и чаще напиваться, и дед Афоня недовольно хмыкал, осуждая его:

— Энто, Матвей, зря ты. Сопьешься ведь.

— А пошел ты, дед, со своими моралями! — неохотно отругивался Матвей.

— Мотри,— неопределенно отвечал дед Афоня.

А однажды, когда уже начали возвращаться другие фронтовики, Матвей, ни слова ни говоря, не попрощавшись ни с кем, уехал в город.

С тех пор и живет Матвей в областном городе... И в первое время, работая на стройках, живя в общежитии, он все тосковал по деревне, по родным краям и часто по утрам выбирался на окраину и неотрывно, до слез смотрел на бескрайние холмистые поля, сизо-дымные вдали леса, на песчаные поспевающие хлеба и вздыхал и не мог надышаться чистым, слегка сладковатым от трав воздухом, и хотелось ему тогда все бросить и тотчас уехать, вернуться опять в деревню, но он пересиливал себя, неохотно возвращался назад, на работу.

И когда женился на Анне, уговорил ее не дожидаться казенной квартиры — им вот-вот обещали дать,— а построить свой домик на окраине — поближе к лесу, земле. А поселившись на окраине, Матвей повеселел, ожил как-то, посадил на приусадебном участке грушу, яблони и собирался посеять горох, немного ржи, а Анна заспорила, заругалась с ним, и Матвей, поупрямясь, поспорив немного, сдался — он любил Анну. И опять стал рано по утрам перед работой выходить за дом, в поле, к оврагу, где росли клены и березы. В последние годы опять напала на него жгучая тоска по своей деревне, по земле — хотелось ему пахать, сеять, делать привычную, но теперь далекую и оттого еще больше желанную крестьянскую работу.

II

Вот и сегодня Матвей поднялся чуть свет и, стараясь не разбудить жену, сына, быстро оделся и вышел на крыльцо. Утро было теплым, не морозным, и капель остро клюнула его в макушку. Матвей вздрогнул, посмотрел наверх, а там уже нависла, как прозрачная изумрудная серьга, другая, и он ступил в сторону и радостно, с удовольствием засмеялся, а капели дробно и часто чмокали о доски, о тяжелый снег, и там, где они падали, снег робел, далеко и изломанно тянулась темная пунктирная линия.

«Скоро уж и жаворонки, скворцы прилетят»,— отметил Матвей и зашагал по узкой тропинке в поле. Тропинка была утоптана, плотно-тверда, но и на ней сегодня оставались темные, отчетливые следы от ботинок Матвея, стала пополняться влагой и она. И острей, резче запахло прелой землей от проталин, которых с каждым днем становилось все больше и больше. И запахи эти тревожили, бередили Матвея. На душе было радостно и грустно одновременно.

Вспоминал он, как дважды ездил к себе в деревню, и оба раза его звали, уговаривали вернуться назад. Особенно старался председатель — рабочие руки нужны были позарез,— колхоз отстраивался, набирал силу, и председатель предлагал:

— Хочешь бригадиром тракторной бригады поставлю, а?

Но в первый раз Матвей и сам не предполагал, не ожидал, что так заноет сердце при виде пустого, заросшего уже места, где когда-то стоял их дом, навернулись слезы, и он, переночевав у деда Афони, рано утром уехал и дал слово себе больше никогда не приезжать. Было это давно — лет пятнадцать назад.

Но не сдержал своего слова Матвей, повстречал земляка и, выпив с ним, вспомнив прошлое, забыл обо всем, взял отпуск на заводе и уехал. Деревня поразила его, он почти не узнал ее — так разрослась, отстроилась она, забелела шиферными крышами, таких домов до войны и в помине не было. И только изба деда Афони выделялась своей старостью, ветхостью. Дед Афоня тоже уже был древен, старчески легок, но бодр еще, хоть и двигался мало, все больше сидел на завалинке.

— А-а, Матвеюшка,— узнал, засуетился он.— Заходь, заходь, дорогим гостем будешь. Аль не ндравится, богаче к кому хочешь? — насупился, обиженно спросил он, видя, как замешкался Матвей, засмотрелся по сторонам.

— Ну что ты, дед,— ответил Матвей.— В отпуск вот приехал — примешь пожить?

Ему стало еще радостней, что видит он живого деда Афоню, свои родные места, узкую, металлически поблескивающую на солнце речку, в которой он чуть не утонул в детстве, а теперь она, должно быть, мелка и не так велика, как представлялось, вдыхает знакомые, слегка уж позабытые запахи навоза, разогретой полыни, земли... Он ждал, боялся, что при встрече с дедом Афоней, с местом, где когда-то стоял его дом, опять все вспомнится, станет больно. Но боль не приходила, залечилась от времени...

— Так как, дед, примешь? — весело переспросил Матвей.

Дед Афоня оживился, видя, что Матвей не шутит, говорит всерьез.

— А ты не смотри, что хата маленькая, не глазастая. Двоим нам места куда как хватит. Давай проходи, освежись с дороги. А я смотаюсь к Марье, яичков возьму.

— И Марья жива? — удивился Матвей. Он как-то забыл о Марье Егоровой.

— Кхи, кхи,— захихикал тонко почему-то дед Афоня и восхищенно пояснил: — Мужика кривого Емельяна из Сутырок приняла к себе. Дочку выдала замуж и не стерпела одна, значит, блудница.— И дед Афоня опять зашелся смехом — смеялся он долго, до слез, говоря при этом: — Она, Марья, куда млаже меня, крепка ишо.

«Сколько же ей лет? — вспоминал Матвей.— Деду Афоне уже под сто, а ей...» Но, так и не вспомнив, пошел в дом, а дед Афоня мелко затрусил к Марье. Вернулся он скоро, неся в картузе десятка три яиц, бидончик с молоком.

— Марья-то в гости звала,— тут же сообщил он.— Но пока отказал, отдохнуть с дороги надоть. Их, звунов, объявится—дай только к вечеру возвернутся с работы.

И дед Афоня угадал. Вечером, услышав о приезде Матвея, пришли одногодки Матвея, и постарше пришли, некоторых с трудом уж узнавал Матвей, и тесно, душно стало в маленькой избе, и пришлось стол, табуретки вынести на улицу, кто-то сбегал за другим столом, принес стулья, и долго, до поздней ночи, шло веселье, разговоры, воспоминания, и все наперебой приглашали, звали в гости к себе. И Матвей был счастлив, хмелен не от водки, хоть и выпил он много, а от разговоров, криков этих, многочисленных горячих объятий. И хотелось ему не уезжать уже больше отсюда, а остаться совсем.

«Уговорю Анну, продадим дом и переедем»,— думал он.

На другой день он опять гулял, ходил в гости, и всюду его встречали с почетом, хорошо, а на третий день не выдержал — попросился на трактор.

— Тянет попробовать,— смущенно пояснил он.— Не отвык ли...

Была середина августа, и уборка подходила к концу, и вовсю уже пылили трактора, сеялки — пахали зябь, сеяли озимые. Дни стояли жаркие, сухие, и пряно пахло от зеленых еще конопляников, горячо и густо от соломы, и Матвей ненасытно впитывал эти запахи и днями пропадал в поле, пахал, сеял вместе со всеми.

— От дорвался, как с голодухи,— сердился дед Афоня.— Ты что, отдыхать аль работать приехал?

Но сердился не всерьез, скучно ему было оставаться одному в деревне и хотелось побыть с Матвеем, поговорить о разном, походить в гости, в лес за грибами.

— Ну, не ворчи, дед,— устало оправдывался Матвей.— Сходим еще в лес...

В первые дни трудно ему было все-таки целый день высиживать на тракторе — отвык он от жары, пыли, которая тучей поднималась от малейшего ветерка и плотно накрывала трактор, его, и никуда от нее нельзя было деться. И Матвей пропылился, почернел весь и вечером с удовольствием бежал на речку — речка и впрямь обмелела, была не так глубока, как когда-то, но вода в ней была прозрачно-чиста, дно песчано, и Матвей ложился на живот, громко фыркал, гукал от наслаждения, и похож он был в эту минуту на ребенка.

Приходил на речку и дед Афоня, сидел, подремывал на берегу, смотрел на Матвея.

— Ишь разошелся, силов ишо много,— ласково бормотал он.

А Матвей и впрямь будто помолодел, еще больше окреп от полевого воздуха, встреч с родными местами, дедом Афоней, Марьей, со всеми...

— Дед, иди купаться! — озорно кричал он.

— Э-э, годы не те, утопну,— отказывался дед Афоня.

Так быстро и незаметно пролетел отпуск, и нужно уже было возвращаться в город, и Матвей загрустил, опечалился вновь — не хотелось ему расставаться с родными местами, землей, уезжать из деревни.

Вечером, перед отъездом, опять пришли проститься почти со всей деревни и, попев песни, пообнимаясь с Матвеем, стали звать:

— А вернулся бы ты, Матвей...

— И-и, дураки-то,— запротестовала Марья Егорова.— Молодые вон в город отлетают, а он сюды... Право, дураки.

— А ты не балабонь, блудница,— перебил дед Афоня.— Не встревай в мужчинские разговоры.

И уж было начала разгораться ссора, за Марью обиделся, вступился кривой Емельян, но тут пришел председатель, весело поздоровался со всеми, с Матвеем отдельно, загудел басом:

— На-ка получи свои сто рубликов. Распишись вот только тут.

И он достал из кармана помятую ведомость, и все расступились, освобождая место на столе Матвею, и Матвей засмущался, удивленно спросил:

— Какие деньги? За что?

— Как за что! — удивился и председатель.— Работал ты на тракторе иль нет?

— Ну, это я так, для своего удовольствия,— все еще смущаясь, ответил Матвей.

— А это нас не касаемо. Напахал ты наравне с нашим лучшим трактористом Иваном Зайцевым. Вот тебе и удовольствие, а колхозу польза.

— Да ну,— восхитился дед Афоня.— Я завсегда говорил, что у Матвея моя крестьянская хватка! — И требовательно приказал: — Бери, бери, Матвеюшка, некрадене вить.

И Матвей хотел отдать деньги деду Афоне, но тот упорно отказывался, не хотел брать.

— Обирала я, что ль. Пензию получаю,— отнекивался он.

— Я же жил у тебя, пил, ел,— настаивал Матвей.

Наконец они договорились, разделили деньги пополам.

Прощаясь, председатель все уговаривал Матвея вернуться в колхоз, намекал, как хорошо ему устроит работу и дом поставят, не дом, а целый дворец с коридором, террасой, лучше, чем в городе.

— Мастерские какие строим — комбайны, трактора, машины теперь свои, ремонтировать нужно, детали нужны. А ты специалист хороший, вот и будешь мастерскими заведовать. На оклад не обидишься. Переезжай, Матвей Петрович, а?

И Матвей неопределенно обещал, что подумает, поговорит с семьей, на заводе. Бо-

ялся он, что Анна не захочет, не поедет в деревню, хотя и думал про себя: «Уговорю. А как уговорю, и приеду. А сейчас что зря болтать...»

— Поговори, Матвей Петрович, поговори,— просил председатель.— А с заводом я сам улажу. Надо — в обком пойду.

Ему очень хотелось, чтобы вернулся Матвей, молодые неохотно шли работать трактористами, все больше смотрели на город, норовили уехать туда, а хорошие кадры позарез были нужны колхозу.

Но Анна, как и предполагал Матвей, отказалась переезжать.

— Ты что, ополоумел? Бросить дом, работу... И думать не смей! — кричала она громко, долго.

Матвей пробовал сказать, что и дом там колхоз построит хороший, и работа будет не хуже, и что нужна ему земля, ее запахи. Но Анна и слышать не хотела, не понимала она его тяги к земле.

— Вон и нюхай ее сколько хочешь на огороде, возись с ней, если надо.

— Но, Анна,— возражал Матвей,— я не об этой земле говорю, а о настоящей...

— Что ты заладил все одно и то же,— обрезала, не давала до конца договорить Анна.— Выкинул бы эту блажь из дурной головы, о Витюшке лучше подумай.

— А что о нем думать? — начинал сердиться Матвей.— Не маленький — техникум кончает. Сам о себе подумает.

Не понимал и он Анну. Выросла, как и он, тоже в деревне, отец с матерью до сих пор живут там у старшего сына, приезжают в гости, Анна тоже иногда ездит к ним, но ездит неохотно, в три года раз, а то и реже — забыла она деревню, быстро отвыкла от нее. Когда-то стройная, чернокосая, в последние годы она как-то раздалась, погрузнела. Давно косу отрезала, завивается колечками и красится до сих пор, хоть и недавно стукнуло ей сорок пять лет. Но и такую любит ее Матвей по-прежнему. Любит и Анна его, но любит как-то эгоистически, поубавилась, пообтерлась ее любовь от времени. Раньше она была готова идти за Матвеем на край света — пожелай, захоти он этого.

— И не уговаривай, не поеду,— устало сказала она под конец их ссоры.

И Матвей затаился, притих, не покидая мысли, что когда-нибудь он уговорит, убедит все-таки Анну переехать в его родную деревню. «Капля и камень долбит»,— подумал, усмехаясь, он тогда.

Может, и камень долбит, но только не Анну.

Матвей вспомнил, как он совсем недавно встретил председателя колхоза на областном совещании передовиков, и тот обрадовался, спросил:

— Не надумал еще, Матвей Петрович? Ждем, ждем...

— Да вот супруга не отпускает, Павел Семеныч,— грустно ответил Матвей.— А куда ж иголке без нитки.

— А ты потяни покрепче, может, и вытянешь.

— Пробовал, не получается,— огорченно развел Матвей руками.

— Ну, смотри. Надумаешь — всегда рады встретить,— заверил на прощание председатель.

И Матвей снова попробовал завести разговор о деревне, о переезде туда, и снова Анна была непреклонна.

Пригрозил было Матвей:

— Уеду один.

— Ну и уезжай, скатертью дорога,— не испугалась Анна.

Знала она, что не мог он без них никуда уехать.

И сейчас, возвращаясь — пора уж было на работу,— надышавшись свежим воздухом, кленовыми почками, оттаявшей и оттого еще более пахучей землей, он думал: «Что же делать? Земля так и тянет к себе, и не переборить эту тягу... А может, и права Анна, блажь на себя напустил». Восемнадцать лет, а с войной и больше прошло, а он все никак не истребит в себе крестьянский дух. Где-то далеко, но отчетливо затикало радио, и диктор четко, будто рядом, произнес: «7 часов — московское время...» Матвей вздрогнул, посмотрел на часы и заторопился, так и не додумав своих беспокойных и тревожных дум.

III

Анна уже встала, встретила его насмешливо:

— Опять, блажной, ходил в поле? На работу вон опоздаешь...

Матвей ничего не ответил, молча засобирался, выпив на ходу чаю.

— Яйца и колбаса на тумбочке, не забудь взять,— напомнила она.

Матвей не любил ходить в столовую, стоять в очереди и обед брал из дому.

На автобусной остановке было много народу, и автобусы были переполнены, забиты до отказа — люди висели на подножках, и давка стояла страшная. И Матвей пропустил сначала один, потом другой автобус, все ожидая посвободнее. И впервые за много лет опоздал на работу и в цехе заметил, как удивленно покашивают глазами, провожают взглядами его — такого не случалось еще с Матвеем Козловым.

«А что, если мне к Никишину завернуть, к парторгу,— подумал Матвей.— Бывало, всегда выручал в трудную пору. Да и человек он душевный, все поймет правильно».

Робко постучал в дверь.

— Заходи, Матвей Петрович! Как живешь? — Парторг поднялся, пожал слесарю руку и заметил: — Похудел ты. Не хвораешь?

— Ежели начистоту — хвораю,— признался Матвей, усаживаясь на стул.— Да хворь моя другого порядка.

— В семье что-нибудь?

— Во мне. В самом. Побывал в своей деревне, а теперь покоя не нахожу. Да и в семье...

— Вот ты про что-о... — протянул Никишин.— Старое потянуло. Что ж, мы держать тебя не в праве. Выбирай сам, что тебе к сердцу ближе.

— Я уже давно выбрал. Уехать хочу. Душа изболелась. Ночами не сплю. Председателя недавно видел, звал уж очень...

— Понимаю... Земля... родная сторонушка. Да и тракторист ты... Жалко нам будет с тобой расставаться.

— Помог бы мне, Палыч.

— В чем же?

И тут Матвей вспоминает Анну, и лицо его мрачнеет, и он просит парторга:

— Ты бы, Палыч, с моей Анной поговорил. Так, мол, и так, партийное поручение, нельзя отказаться. А то она ведь скандал поднимет, может и не поехать.

Парторг обещает поговорить с Анной, поехать вместе с Матвеем к нему домой.

А оформив документы, они едут на заводской машине к Матвею, и уже перед домом Матвей просит опять:

— Ты, Палыч, понастойчивей с Анной-то. Ежели надо — повысь голос.

— Не беспокойся, уладим,— бодро обещает парторг.

Но уладить, оказывается, трудно. Анна орет и на Матвея и на парторга, грозится пойти к директору, в райком... И на следующий день, отпросившись с работы, и впрямь идет на завод, в райком, но возвращается злая, вся в слезах и ругается еще больше.

— Бюрократов развелось. Деревня — важный участок,— нарочно гнусит, передразнивает она кого-то.— Вот и ехали бы сами в эту деревню.

— Зря это ты, Анна,— пробует успокоить ее Матвей.

— А ты бы помолчал, блажной,— яростно накидывается она на Матвея.— Сам, небось, напросился, дурак. Ну и поезжай, а мы с Витюшей здесь останемся.

— Как же так, Анна?..

— А так. Поживешь один, надоест — приедешь.

А на другой день она помогает собирать вещи, укладывать чемоданы и сердито приказывает:

— Ты там получше у кого остановись, чтоб и постирать могли и накормить вовремя...

И втроем идут на автовокзал.

— Дом ведь обещали построить,— говорит по дороге Матвей.— Обживать надо бы вместе, Анна...

— Посмотрим,— неопределенно отвечает она.

На автовокзале уже стоит автобус, ждет отправления, и они быстро, поспешно обнимаются, и уже из автобуса Матвей видит, как плачет Анна, помахивает ему рукой, и он машет ей, сыну в ответ, а глаза его туманятся, наполняются слезами, и он растроганно думает: «Хорошие они у меня. И Витюшка уж вырос, скоро на работу пойдет. А Анна посердится, посердится и приедет. Построят вот дом, и приедет...»

КЛЮЧИ ОТ ЛАРЧИКА

Борис Егоров известен как представитель популярного жанра юмора и сатиры.

После выхода в свет первого советского романа-фельетона Бориса Егорова, Бориса Привалова и Яна Полищука «Не проходите мимо» интерес читателей к его творчеству продолжает оставаться неизменным.

В новом сборнике фельетонов Бориса Егорова[1] два раздела: «Как открывается ларчик» и «Если выйти за порог...». Они посвящены острым проблемам нашей быстротекущей жизни. Первый раздел продолжает лучшие традиции пародийной литературы. Тут мы знакомимся с «творческими» секретами дельцов от литературы и искусства, озабоченных получением авансов и гонораров за свои штампы.

Вторая часть сборника переносит нас в сферу общения героев с жизнью.

Главное здесь заключается в том, что, переступая порог своего дома, человек начинает бороться с трудностями.

Можно вполне согласиться с Борисом Егоровым, что все индивидуумы понимают борьбу с трудностями по-разному, а точнее, по-своему. Это хорошо иллюстрируют многие фельетоны второго раздела. Борьба их героев проходит вдали от технического прогресса, развития цивилизации, не связана с ростом гражданского самосознания или чувством ответственности перед самим собой. Хорошим примером служит главный герой фельетона «Пиастров и другие». Ему уже не надо учиться писать, если он создал произведение вроде рассказа «На завалинке». Здесь икающий колхозник, голодная собака, усохший колодец, заброшенный пруд слились для него в незабываемую картину славянской жизни.

Труд Пиастрова подошел зарубежным искателям старины, а сам создатель разрешил все трудности сложной проблемы: как добыть деньги без затраты труда. А если обнаруживается, что у вас нет даже мелкой разменной монеты? С этим столкнулся командированный Савелий Пятикуров — герой фельетона «Дорогой гость». Представьте, он не погиб в объятиях огромного города. Его спасло проведение в столице массовых совещаний. Он получил бесплатно питание повышенной калорийности, упражнялся в ораторском искусстве и собрал много ценных сувениров и подарков для друзей.

В юмореске «Санаторий «Борзан» главный врач рассказывает журналисту, что отдыхающие после «борзанных ванн» постепенно меняются, избавляются от своих вредных привычек и скверных черт характера... Будет ли когда-либо создано лекарство в виде минеральной или другой жидкости для исправления худших представителей человечества,— это весьма проблематично. Более реально подходит к вопросу советский писатель-сатирик Борис Егоров.

Он открывает ларчик по-своему.

На протяжении многих лет он бичует бюрократов и лодырей, приспособленцев и стяжателей, проходимцев и расхитителей, используя свой сатирический дар. Это и есть ключи от ларчика, которыми пользуется автор.

Михаил ХОДАКОВ

[1] Борис Егоров. «Как открывается ларчик». Издательство «Молодая гвардия», 1970.

М. Савицкий (Минск). ХЛЕБЫ.

Л. Дударенко (Минск). ЗИМА В ДЕРЕВНЕ.

АЛЬБЕРТ ОБРЕТАЕТ ЛИЦО

Д. С. СТРЭИНДЖ

ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

На мгновение глаза отца приоткрылись, и Анри показалось, что он пришел в себя, узнал его, понял, где они находятся, и подумал, что сейчас его позовут на второй завтрак, за которым они будут болтать о том и о сем. Но это осмысленное выражение тут же исчезло, и сознание старика вновь затуманилось, будто он выглянул на секунду из окна, но ничего интересного не нашел и вернулся в свое темное убежище, куда за ним никто не мог последовать и где он мог без всяких помех заниматься своими горестными делами.

— Отец! — торопливо заговорил Анри, как бы пытаясь остановить его, пока он не ушел.

Старик, видимо, услышал и несколько раз повел глазами, силясь припомнить, где и когда он слышал этот голос.

— Это я, Анри. Ты узнаешь меня?

Взгляд отца остановился на лице Анри, губы искривились в слабой усмешке.

— Разумеется, узнаю,— голосом нормального человека ответил он.— Что еще за глупости? У тебя снова неприятности, Анри? В конце концов мне надоест то и дело тебя выручать. Неужели ты не можешь вести себя так же, как Робер?

— Я постараюсь,— мягко ответил Анри.

— Вечно попадаешь из огня да в полымя!— пробормотал старик и снова закрыл глаза.

— Но я хочу посоветоваться с тобой! — в отчаянии воскликнул Анри.— Мне нужно спросить кое о чем.

— Спрашивай у матери.

— Нет, нет! Я хочу спросить о твоем знакомом, он жил на площади Вогезов. Ты же знал кого-то, кто жил на площади Вогезов?

— На площади Вогезов?—шепотом переспросил Морис Магрит. Он пожевал губами, потом поднял руку и погрозил сыну пальцем.— Журден как-то написал вид площади Вогезов. Очень мило. И все же он не мастер. Совсем нет. Одно время на него появилась мода, но я бы не оставил у себя ни одной его картины. Ни за что! Со мной не соглашались, осуждали, а прав-то все-таки я. Модный художник, и только. Удивлен, что твоя мать носится с каким-то Журденом. Придется поговорить с ней...

Длинная речь утомила старика, и он умолк.

— Отец, ты ведь бывал на площади Вогезов вместе с Аник, помнишь? Когда она была совсем маленькой?

— Аник?—Суровое лицо Мориса Магрита несколько смягчилось.—Она куда-то уехала. А может, нет? Вы должны извинить меня, мосье,— вежливо заметил он.— Я стал забывчив, здоровье, знаете ли, пошаливает. Мадам Магрит никогда не бывает в галерее. Мой сын Робер...— На его лице появилась мучительная гримаса.— Он сейчас уехал, но повидается с вами, когда вернется. Вам не придется долго ждать.— Его голос понизился до шепота, из закрытых глаз покатились слезы.— Что вы так торопитесь? Наберитесь терпения.

Отчаяние и жалость охватили Анри, он отвернулся и закрыл лицо руками.

Ночью хорошая погода сменилась ненастьем. Всю пятницу проливной дождь хлестал в окна квартиры на улице Жана Беллэ, низвергался потоками на застекленную крышу галереи, превратил уличные канавы в бурные речки; ливень прибил пыль жаркого лета и освежил парки и сады.

В галерею в тот день никто не заглядывал. Анри сидел в маленькой, плохо освещенной конторке, пытаясь ответить на несколько деловых писем, но непрерывный шум дождя доводил его до сумасшествия и делал ожидание еще более мучительным. Через каждые несколько минут он вставал со стула, подходил к окну и всматривался в исхлестанную дождем улицу.

Звонок телефона заставил его вздрогнуть. Звонил Женэ. Он сообщил, что, хотя полицейские еще не арестовали Альберта, они определенно идут по его следу. Альберт скрылся в смокинге, значит, он непременно попытается переодеться. Исходя из этого предположения, Женэ направил детективов в основные магазины по торговле подержанной одеждой, и около часа назад в одном из них удалось получить важные сведения. Владелец магазинчика в районе Монпарнаса рассказал, что накануне утром, всего через несколько часов после бегства Альберта, он продал коричневые брюки, короткий светло-синий пиджак и серую кепку. Приобрел их человек, на котором были лишь черные брюки и фуфайка. Приметы покупателя почти полностью совпадали с приметами Альберта.

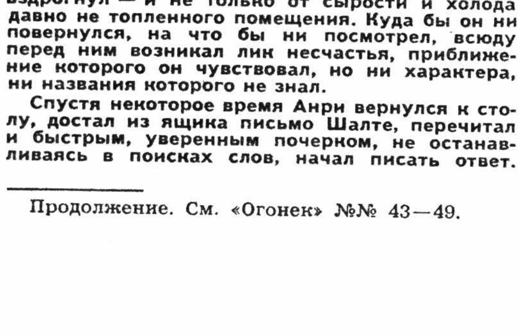
Брассар немедленно помчался к торговцу, предъявил ему словесный портрет Альберта, и тот сразу опознал своего покупателя.

— Сейчас мы готовим копии этого снимка, утром они появятся во всех газетах,— сказал Женэ.— Дирижер оркестра... как его... да, Льюис, утверждает, что портрет теперь очень похож. Возможно, Альберта опознают и другие, это только вопрос времени.

Анри подумал, что на этот раз Женэ, видимо, прав.

Он положил трубку телефона и снова подошел к окну. Сквозь завесу дождя за рекой можно было рассмотреть здание префектуры и даже окно кабинета Женэ. Да, он прав, Альберта обязательно найдут. Ну, а дальше? Анри вздрогнул — и не только от сырости и холода давно не топленного помещения. Куда бы он ни повернулся, на что бы ни посмотрел, всюду перед ним возникал лик несчастья, приближение которого он чувствовал, но ни характера, ни названия которого он не знал.

Спустя некоторое время Анри вернулся к столу, достал из ящика письмо Шалте, перечитал и быстрым, уверенным почерком, не останавливаясь в поисках слов, начал писать ответ.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 43—49.

Анри уже не обращал внимания на дождь, который стучал в окно и крышу галереи, перед ним вставали ослепительно сверкающие на солнце заснеженные склоны гор, подернутые рябью горные озера, домики с деревянными балконами, украшенными изящной резьбой; он слышал звон колокольчиков, долетавший с высокогорных пастбищ, видел Женеву — ее он не мог забыть с тех пор, как побывал там ребенком.

«От всего сердца благодарю вас за доброту,— писал он.— Если бы не особые причины, я бы с огромным удовольствием принял ваше великодушное предложение. Однако я нужен дома. Вы убедились, как обстоят у нас дела, вернее, как они обстояли весной. А сейчас возникли новые обстоятельства, и вместе с ними новое беспокойство. К сожалению...»

— Вот я и решил! — воскликнул он и с некоторым удивлением взглянул на письмо.— Но почему я решил?

Вместе с чувством огромного облегчения на него вдруг нахлынуло ощущение чего-то страшно знакомого, чего-то такого, что он некогда хорошо знал, а потом забыл. В течение нескольких мгновений ему казалось, что в полумраке галереи он видит лица своих близких, только более молодые и счастливые, что Марселла, склоняясь над ним, улыбается, как раньше, и даже касается его щеки своей ладонью. Он положил руки на письмо, опустил на них голову и долго думал о Марселле, словно ей снова восемнадцать и он только сегодня в нее влюбился.

В тот же вечер Анри сообщил матери, что, если нужно, он останется работать в галерее.

— Но ты-то сам, Анри, хочешь?

— Да, мама.

— Ты хорошо все обдумал? Ты уверен в себе?

— Вполне.

Мать отвернулась, и Анри показалось, что она всхлипнула.

— Ты плачешь?

Мать тихонько рассмеялась.

— Кажется, да.

Анри отвел от лица ее руки.

— Почему?

— Наверно, потому, что долго ждала.

— Я был глуп,— улыбнулся Анри.— Разве можно винить меня в этом?

— Отчасти.

— Я пытался найти свое место в жизни.

— И ты надеялся найти его в гараже?

— Ты перестанешь плакать?

— Я говорила немножко сердито, да? — Она вынула из его нагрудного кармана платок, вытерла глаза и повернулась к нему с сияющим лицом, которое он так хорошо помнил с детства.

— Сейчас я чувствую себя так, будто вновь обрела обоих сыновей,— с нежностью сказала она.

Когда мать ушла спать, Анри позвонил в префектуру. Женэ он не застал, но Брассар сообщил ему новость. Часов в шесть в полицию позвонила хозяйка пансиона около Сорбонны. Накануне, часов в десять утра, к ней обратился какой-то незнакомец. Он заявил, что в течение нескольких недель будет работать в университетской библиотеке и, естественно, хотел бы поселиться где-нибудь поблизости. Он снял у нее в пансионе лучшую комнату, даже не осмотрев ее и не торгуясь из-за цены.

Хозяйку это удивило, поскольку незнакомец был плохо одет, но в конце концов она привыкла иметь дело со студентами, не очень заботившимися о своей внешности. К тому же ее новый клиент отличался хорошими манерами и заплатил за неделю вперед. Он объяснил, что его багаж доставят несколько позже, а пока попросил провести его в комнату, так как якобы всю ночь провел в пути, устал и хочет сейчас же лечь спать. Незнакомец спросил, не может ли она дать ему газету, которую читала, когда он вошел. Передавая газету, хозяйка пансиона без всякой задней мысли сказала, что, если он только что приехал в Париж, стало быть, ему пока не удалось прочитать о пресловутом немецком шпионе Альберте, которого полицейские чуть не схватили накануне вечером. В газете подробно об этом рассказывается, приводятся приметы и все такое. «По спине мурашки бегают,— добавила она,— когда думаешь, что такой преступник находится на свободе и может ночью всех нас убить...»

И тут женщина увидела, что незнакомец изменился в лице. Спустя несколько минут он ушел из дома. Она подумала, что ее клиент либо передумал, либо отправился наводить справки о багаже, однако он так и не вернулся. Заплатил за неделю вперед, вышел и не вернулся.

Вначале женщина никак не связывала его с Альбертом, но сегодня, перечитывая газету, она сообразила, что приметы Альберта соответствуют внешности незнакомца. Кстати, на нем тоже был светло-синий пиджак и серая кепка.

— Это действительно Альберт,— заметил Брассар.— Мы показывали хозяйке пансиона его портрет.

— Вчера утром...— задумчиво сказал Анри.

— Если бы она не напугала его своей глупой болтовней...

— Ну, знаете...

— Тем не менее мы все равно его поймаем,— продолжал Брассар.— Сейчас это только вопрос времени.

Анри подумал, что эта фраза превращается в какой-то припев: «Вопрос времени-времени-времени...» А что дальше?

Он ушел в свою комнату и долго ходил из угла в угол, размышляя об отце, о Робере, об Аник и прислушиваясь к порывам дождя, пытавшегося ворваться в окно.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Ночью погода снова переменилась, и утром, когда Анри проснулся после тревожного сна, в комнату вливались потоки солнечных лучей, а воздух был прохладным и душистым, как из наполненного цветами сада. Анри с радостью подумал: сегодня я увижу Марселлу!

Он уже договорился с матерью, что в этот день она заменит его в галерее. Анри сказал ей только, что утром будет занят. Да и мог ли он сказать правду, тем более что и говорить-то было нечего? Он вышел из дома, стараясь не смотреть на мать, проводившую его озабоченным взглядом.

Анри перешел по пешеходному мостику на остров Сите и не спеша направился по набережной. У цветочного рынка юноша задержался, разглядывая розы и другие цветы, названия которых он не знал, прилавки, похожие на маленькие сады, шеренги приятно и остро пахнувшей герани и цветущих кустарников. У старухи с покрасневшими от работы, натруженными руками он купил огромный букет пурпурных роз, а позднее, увидев маленький букетик крохотных, сладко благоухающих желтых цветочков, купил и его.

В это чудесное солнечное утро город казался ему особенно прекрасным, а каждое здание, четко выделявшееся на фоне неба,— неповторимо красивым.

Анри пересек Новый мост и вдоль высоких хмурых стен Лувра направился в сад.

В рощице, где находилась карусель, торговцы открывали ларьки с прохладительными напитками и протирали расставленные под деревьями столики. С трудом пробиваясь сквозь густую листву, солнце бросало на землю танцующие пятна света.

Анри сел за столик, положил на него цветы и закурил. У подвернувшегося газетчика он купил газету и внимательно просмотрел ее в поисках заголовка, который и надеялся и боялся увидеть, но нашел лишь новый портрет Альберта, напечатанный на видном месте. Некоторое время он вглядывался в пухлое лицо под шапкой завитых волос. Да, сходство несомненное. Он подумал о человеке, который прячется сейчас где-то в городе, зная, что его голова оценена в двести тысяч франков, что каждый встречный может выдать его полиции, что он никому не может доверять и нигде не может считать себя в безопасности. О чем он размышляет сейчас и что испытывает — ярость или отчаяние? Может, он все еще надеется перехитрить всех?

Анри свернул газету, положил рядом с собой на стул и перевел взгляд на ребятишек, с криком и смехом карабкавшихся на сиденья карусели в виде лебедей, бойких лошадок с развевающимися гривами, длинношеих жирафов, верблюдов и львов с рассерженными и в то же время благосклонными мордами. Карусель закружилась под музыку, сопровождаемую звоном колокольчиков.

Ожидание становилось все более мучительным. Теперь юноше казалось, что даже аромат роз, лежавших на столике, утратил свою свежесть и сладость, стал тошнотворным и приторным.

Анри взглянул на часы. Стрелки уже показывали больше десяти. «Марселла не придет,— подумал он.— Только такой болван, как я, мог ей поверить. Может, встать и уйти?» Но он продолжал сидеть, не в состоянии ни двигаться, ни думать. И в эту минуту он увидел Марселлу. Она шла под деревьями — без шляпы, в светло-зеленом костюме, ее бриллиантовые серьги рассыпали голубоватые искорки.

— Ты все же пришел, Анри!

«Она выглядит как человек, терпению которого пришел конец,— мелькнуло у него.— Такой я ее еще не видел».

— В чем дело, Марселла? Что случилось?

— Я совсем было решила не приходить. Не думай, что я стану и дальше терпеть такое отношение к себе! Но на этот раз я пришла. Скажи, чего ты хочешь?

«А ведь она боится меня! — подумал Анри.— Раньше я не замечал».

— Ты права, что сердишься,— вслух сказал он.— Прости, дорогая, но я испугался, что ты уедешь, и мы никогда больше не встретимся.

Выражение лица Марселлы изменилось.

— Я сделал глупость? Это нелепо, что я хотел еще раз повидать тебя?

Марселла долго смотрела на него и вдруг улыбнулась; о такой улыбке он только мечтал, не надеясь когда-нибудь ее увидеть. «Я грежу,— подумал он.— Чудес не бывает».

— Возможно, ты действительно поступил глупо. Возможно, и я тоже.

— Марселла!

Она взглянула на цветы.

— Это мне?

— Конечно!

Она взяла розы и низко наклонилась, вдыхая их теплый, сладкий аромат.

— Мне не следовало приходить, дорогой. Мой муж... С той самой нашей встречи в кафе на площади Пуа он... По-моему, это ревность и подозрение... Мы с тобой, кажется, совсем, совсем сошли с ума.

— Нам не впервые.

— Да, но мне уже не восемнадцать. Пора бы и тебе покончить с иллюзиями. Что ты, собственно, знаешь обо мне?

Анри заглянул ей в глаза и мягко ответил:

— Я знаю, что ты самая прекрасная женщина в мире.

— И ничего больше?

— Самая нежная, самая желанная.

Она опустила ресницы и слегка улыбнулась; это была хорошо известная ему улыбка удовольствия и триумфа, улыбка женщины, убежденной, что она любима. Марселла положила розы на столик, медленно сняла перчатки и взяла маленький букетик желтых раскрывающихся бутончиков. Она подержала их между ладонями, потом приколола к жакету и, продолжая улыбаться, осмотрелась.

— Как это приятно! — сказала она.— Как это мило — снова оказаться здесь!

— Значит, ты помнишь? А я сомневался.

— Помню. Ты думал об этом, когда сидел здесь и ждал меня?

Анри нехотя вспомнил, о чем он думал, сидя здесь.

— Как бы мне хотелось вернуться в прошлое!

— Да? — Она взглянула на карусель и на столики под деревьями.— А я не хочу снова оказаться ребенком, даже юной девушкой вроде Аник. В тот день здесь была твоя мама, твой отец и Робер тоже... По-моему, он был здесь, да?

— Да. Ведь он любил тебя, Марселла. Ты знала?

— Знала.— Ее ответ прозвучал холодно и равнодушно.— Он даже ревновал меня к тебе — ты ведь больше мне нравился.

— Жестокая!

Марселла снова улыбнулась.

— Женщины не испытывают жалости к мужчинам, которых не любят.

— Возможно.

— Ты действительно хотел бы, чтобы вернулось прошлое, если бы это было возможно? Ты действительно согласился бы вновь пережить то лучшее, что мы пережили вместе?

Анри заколебался, потом серьезно ответил:

— Пожалуй, нет. Мне нужен вот этот, настоящий момент.— Как-то оказалось, что он говорит то, о чем не осмеливался даже думать.— И завтра и все другие завтра.

Марселла вздохнула и сделала чуть заметный жест отчаяния.

— Но мы уже не дети. Если бы я даже не была замужем, все равно... Слишком многое произошло. Да ты и сам это понимаешь и понимал в тот вечер в «Доброй хозяйке». Если бы в ту ночь я захотела стать твоей, ты бы согласился?

— Нет. Тогда — нет.

— Вот видишь! А что изменилось с тех пор? Ничего.

Анри подумал о том вечере, и ему показалось, что это происходило давным-давно.

— Не знаю,— сказал он.— Но ничего неизменного нет.

— Ты слишком многое помнишь, Анри. Есть немало такого, чего ты никогда не забудешь, просто не в состоянии забыть.

— А я и не хочу забывать.

Некоторое время они сидели молча, прислушиваясь к голосам детей и к музыке.

К столику подошел официант.

— Хочешь кофе? — обратился Анри к Марселле.

— Да.

Анри сделал заказ, и официант ушел.

Марселла наклонилась и внимательно взглянула на юношу.

— О чем ты думаешь?

Анри улыбнулся.

— О том, как было бы хорошо сидеть здесь вечно. Мне хотелось бы сказать тебе: «Будь вечно нежной и прекрасной, моя любовь!» — Голос Анри дрогнул.— Моя единственная любовь.

— Но ведь прошло восемь лет! — воскликнула Марселла.— Как же можно любить целых восемь лет? Какой ты глупый!

Анри усмехнулся.

— Я глуп потому, что счастлив. От счастья всегда глупеют.

Официант подал кофе, и Анри принялся наблюдать, как она разливает его по чашкам. «Да,— думал он,— я действительно счастлив. Какое это счастье — сидеть вот так и наблюдать за ней!»

— Что бы ты сказала, дорогая, если бы я вдруг оказался человеком, с которым ты только что познакомилась? Несомненно, ты вела бы себя очень сдержанно, опасаясь, что он может воспользоваться твоей добротой. Ты попыталась бы дать понять, что это всего лишь маленький флирт, невинная забава модной молодой дамы, желающей заполнить несколько свободных минут перед более важными встречами.

— Но поверил ли бы он этому?

— Нет. Он бы подумал: «Вот женщина, которая несчастлива. Возможно, я смогу сделать ее счастливой».

Марселла наклонилась над чашкой.

— Вы чересчур смелы, мосье.

— Я играю ва-банк; возможно, мы больше не встретимся.

— Вполне возможно.

Анри быстро наклонился к ней.

— Марселла, я говорю серьезно. Я люблю тебя.

Рука, которой она ставила чашку на блюдце, слегка дрожала, расплескивая кофе.

— Мне нужно идти, Анри. Я и так задержалась. Если кто-нибудь увидит нас...

— Послушай, давай возьмем машину и уедем куда-нибудь за город — ну хотя бы в Эньем или в Шантильи...

— Невозможно, ты же знаешь.— Она взглянула на ручные часы.— В моем распоряжении только час. Я должна вернуться в гостиницу к двенадцати.

— Час,— грустно повторил он.— Только час.

— По-твоему, я должна рисковать всем? Тебе это нужно, да? Нет, ты сошел с ума! — Она закрыла лицо рукой, потом мягко добавила: — Не будем спорить. Если хочешь, проведем этот час вместе.

Анри не сводил с Марселлы глаз.

— Мы не должны упускать этот момент,— горячо сказал он.— Пойми, возможно, нам не доведется больше свидеться.

Марселла взяла из букета розу и стала вертеть ее.

— Ты хочешь, чтобы я ушла к тебе?

— Я хочу, чтобы ты вернулась ко мне.

Анри осторожно взял ее руки в свои. Как красивы эти длинные пальцы со светло-розовыми ногтями! Сейчас на них было только обручальное кольцо и перстень с огромным бриллиантом в платиновой оправе.

— Ты не носишь больше свое счастливое колечко?

Марселла промолчала; он почувствовал, что она тихонько пошевелила пальцами.

— Анри, после того вечера, который мы провели вместе, я больше не могу жить, как жила до сих пор; я слишком многое помню, и воспоминания преследуют меня.

Он с силой сжал ее руки.

— Марселла, Марселла!

— Ты должен дать мне время подумать. Только верь мне. Верь, я найду какой-нибудь выход.

— Да, но прежде я хочу услышать... Ты любишь меня?

Опустились и поднялись густые ресницы, и на губах у нее заиграла слабая улыбка.

— Ты знаешь. Люблю.

После ее ухода Анри много часов бродил вдоль реки, он был словно во сне и едва ли сознавал, куда шел. Уже далеко за полдень, проходя мимо газетного киоска, он увидел крупные заголовки и только тогда снова вспомнил о Робере.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вечером Анри ужинал с Женэ в маленьком ресторанчике на площади Дофин около префектуры. Над городом вновь нависли тяжелые тучи, хотя дождя пока не было. Листья деревьев не шевелились.

Вначале друзья сидели молча, лишь изредка обмениваясь ничего не значащими фразами. С той самой ночи, когда Анри вызвал Женэ в «Клуб Монмартр», в отношениях между ними возникла какая-то неловкость. Женэ чувствовал, что его друг чего-то недоговаривает, а Анри, догадываясь об этом ощущении друга и сознавая свою вину, держался вызывающе. Он не мог заставить себя рассказать об Аник, об отце, о посещении площади Вогезов и не мог объяснить, почему при одном воспоминании о том эпизоде его охватывает страх.

Женэ украдкой наблюдал за Анри. «Да, он о чем-то умалчивает,— думал комиссар.— Может, о каких-нибудь пустяках, но кто знает! В нашем деле все может оказаться важным...»

Затем комиссар заговорил о допросе четы Пуссинов, состоявшемся в тот день. Он вызвал обоих — мужа и жену — и предъявил им все, что узнала о них полиция. Так, удалось установить, что мадам Пуссин лгала, когда утверждала, будто «Клуб Монмартр» они с мужем открыли на деньги, выигранные в лотерее. Ничего она не выигрывала. Сначала Пуссин упрямо твердила свое, потом вообще отказалась отвечать на вопросы.

Брассар доставил в префектуру пожилую женщину (именно с ней Анри разговаривал на площади Вогезов); женщина без колебаний заявила, что снятый вместе с Пуссином молодой блондин и есть тот самый «сын», который бывал у них. В присутствии мужа и жены Пуссин она повторила, что мадам в разговоре с ней называла его сыном и утверждала, что он работает в магазине «Лувр». Произошла бурная сцена. Мадам Пуссин визгливо обвиняла свою бывшую соседку в клевете, однако та, хотя и напуганная, твердо стояла на своем. Как только Пуссин под тяжестью улик признался, что знал этого молодого человека, жена с истошным криком набросилась на него, обозвала идиотом, болваном и трусом, который погубит их обоих. Пуссин начал выкручиваться. Теперь он утверждал, что был знаком с молодым человеком мало и еще до войны, а затем долго его не видел. Он категорически отрицал, что Мишель Лоренс и молодой блондин — одно лицо и что ему известно имя Альберт. Когда Пуссину предъявили портрет Лоренса, он согласился, что сходство между ними, возможно, и есть, но не больше. Он знал их обоих — это разные люди. В случайном сходстве нет ничего необычного.

Ему непонятно, заявил Пуссин, почему Лоренс скрывается, пытался отрицать дружбу с ним, но, убедившись в осведомленности полиции, перестал на этом настаивать. По словам Пуссина, Лоренс, возможно, занимался торговлей наркотиками, процветавшей, по утверждению полиции, в клубе. Разумеется, он, Пуссин, ничего не знал о подобных делишках. Лоренс, видимо, обделывал их за его спиной. Появление полицейских встревожило его. Да, да, вот в чем причина бегства Лоренса! Он подумал, что пришли за ним, и решил скрыться.

— Правдоподобное предположение,— улыбнулся Женэ, заканчивая свой рассказ.— Если не считать того, что Пуссин почти наверняка лжет.

— Видимо, вновь обрел дар речи,— сухо заметил Анри.

— Да. И к тому же имел время подумать. Клянется и божится, что не знает, где сейчас Лоренс, и что не поддерживал с ним связь после того, как тот бежал. Ну, тут-то он говорит правду.

В тот раз, сообщил Женэ далее, он не стал продолжать допрос Пуссина и добиваться от него полного признания.

— Прежде всего потому,— объяснил он,— что мы еще сравнительно мало знаем и о нем и о доме на площади Вогезов, а это исключительно важно. Если там что-то происходило, то в большой тайне, соседи ничего не знали.

Он на некоторое время умолк и принялся рисовать ножом на клетчатой скатерти стола, чего-то выжидая. «Да, это что-то о площади Вогезов,— думал он.— Анри знает, но не хочет рассказывать. Возможно, все-таки расскажет, и мне не потребуется его расспрашивать».

Анри же, бросив взгляд на Женэ, отрывисто спросил:

— Пуссин есть в списке, составленном по книге Гофруа?

— Нет.— Комиссар посмотрел юноше в глаза.— Не забудь, мы ищем убийцу Робера.

Анри побледнел, но выдержал взгляд Женэ.

— Почему вы так сказали?

— По-моему, ты понимаешь. Есть что-то, о чем ты не хочешь рассказать. Возможно, это действительно мелочь, но ты не в состоянии судить сам. Тебе хочется, чтобы я начал строить всякие догадки? Помни, Анри, я очень хорошо знаю тебя.

— Неужели вы сомневаетесь, что я готов пойти на все, лишь бы схватили убийцу брата? — задыхаясь, спросил Анри.

— Ты не ответил на мой вопрос,— сухо заметил Женэ.— Да, я уверен, что-то ты скрываешь от меня.

— Вы с ума сошли! Это не имеет к вам никакого отношения.

— Ты думаешь? Анри, Анри...— Женэ слегка всплеснул руками.— Ты как раз и боишься, что имеет отношение. Возможно, ты не хочешь в этом сознаться даже самому себе, иначе обязательно бы рассказал мне. Ты же знаешь, мне можно довериться.

Анри долго молчал, и в наступившей тишине отчетливо послышались чьи-то приближающиеся шаги. Анри посмотрел вдоль улицы и увидел, что к ним быстро, почти бегом, направляется человек.

— А вот и Брассар,— с облегчением произнес он.

...Комнаты для ожидания в префектуре в эти вечерние часы были безлюдны. На скамейках, в дневное время занятых посетителями, арестованными, свидетелями, сейчас сидел лишь маленький бледный человечек в сером костюме. Увидев Брассара, он вскочил и замер.

— Мосье Базине,— представил его Брассар. Женэ кивнул.

— Прошу ко мне в кабинет.

Он открыл дверь, Базине вошел вслед за ними и с любопытством осмотрелся. Усевшись на предложенный ему стул, человечек выпрямился, как деревянный, и принялся рассматривать Женэ и Анри, словно недоумевая, кто они такие и что здесь делают.

Женэ сел за стол и положил на бумаги руки.

— Так вы полагаете, что видели человека, которого мы разыскиваем?

— Вполне уверен.

— Что ж, рассказывайте.

— Это произошло в маленьком продуктовом магазине на авеню Гобеленов, почти на углу улицы того же названия.

Из ящика стола Женэ достал и развернул карту и, поколдовав над ней, указал на какую-то точку.

— Должно быть, где-то здесь. Авеню Гобеленов — улица Гобеленов.

— Да.— Базине привстал, взглянул на карту и снова сел.— Почти на углу.

— Продуктовый магазин...— задумчиво протянул Женэ.— Должен же человек где-то питаться. Когда вы его видели?

— Вчера вечером, на пути с работы. Жена велела купить колбасы.

— Вы живете поблизости от магазина?

— Совершенно верно. Позади фабрики есть многоквартирный дом, населенный в основном рабочими.

— Вы работаете на гобеленовой фабрике?

— Ткачом. Как некогда мой отец и мой дед. Говорят, представители нашей семьи работают на этой фабрике с семнадцатого века...— В тихом, спокойном голосе Базине прозвучала гордость.

— Хорошо, дальше. Вы видели этого человека вчера вечером. Почему вы целые сутки...

— Его портрет я увидел только сегодня днем и лишь тогда сообразил, кто он.

Женэ кивнул Брассару, и тот, взяв со стола один из новых плакатов, показал его Базине.

— Он?

Базине долго и внимательно рассматривал портрет, потом утвердительно кивнул.

— Из-за дождя кепка у него была надвинута низко на глаза, а воротник поднят.

— Может, не из-за дождя, а потому, что он боялся быть опознанным?

— Возможно, но в то время я так не подумал.

— Тем не менее вы убеждены, что это тот самый человек?

— Безусловно. Вы понимаете, я хорошо запоминаю лица, ведь при изготовлении гобеленов приходится запоминать форму носа, рта, бровей.

Женэ бросил взгляд на Анри, говоривший: «Это, несомненно, Альберт!»

— У него был сильный насморк,— продолжал Базине.— Он несколько раз прибегал к платку, кашлял.

— Вы заметили, куда он направился из магазина?

— Пересек авеню Гобеленов и пошел к углу улицы королевы Бланш.

— Вы уверены?

— Вне всякого сомнения. Я оказался позади него, когда он вышел. Потом я остановился, стал открывать зонтик и видел, как он переходил улицу.

— Вы, кажется, провели настоящее наблюдение. Чем он вас заинтересовал?

Базине заколебался.

— Видите ли, он говорил как культурный человек, а был одет слишком уж плохо. Возможно, это и привлекло мое внимание.

— Во что же он был одет? — как бы между прочим поинтересовался Женэ.

— На нем был светло-синий пиджак, очень поношенный, и кепи, по-моему, серое.

Несколько секунд в кабинете стояла глубокая тишина, казалось, все три слушателя перестали даже дышать. Наконец Женэ поднял голову и спросил:

— Как вы думаете, он заметил, что вы за ним наблюдаете?

— Нет, он делал покупки. В магазинчике торгуют двое — владелец и его жена. Женщина обслуживала его, а хозяин меня, причем происходило это в одно и то же время.

Женэ кивнул.

— И вы его больше не видели?

— Нет.

— Ясно. Должен сказать, вы очень наблюдательный человек и у вас прекрасная зрительная память. Вы не подскажете, куда он мог пойти по этой улице? Там есть какой-нибудь пансион или отель?

Базине пожал плечами.

— Гостиниц нет, но многие пускают жильцов. Это бедный район...

— Ну что ж, очень вам признательны. Оставьте моему помощнику свои фамилию и адрес.

Базине уже поднимался, когда Анри вдруг спросил:

— У него был зонтик?

— Нет.

— А пиджак его очень промок?

— Понимаю, что вы имеете в виду. Нет, только плечи, и то не слишком. На легкой ткани это бросалось в глаза.

Анри кивнул, а Базине посмотрел на него, на Женэ, как бы ожидая дальнейших вопросов. Однако оба они промолчали, и ткач нерешительно сказал:

— В таком случае доброй ночи.

Брассар положил перед ним лист чистой бумаги.

— Пожалуйста, запишите фамилию и адрес.

Сразу же после ухода ткача Женэ сказал Брассару:

— Возьмите сколько нужно людей и обшарьте весь район. Это тот, кого мы разыскиваем.

— Но прошли целые сутки! — чуть не простонал Брассар.

Комиссар пропустил его замечание мимо ушей, а скорее всего не услышал. Его лицо выражало сильнейшую сосредоточенность, как у человека, который ясно увидел лежащий перед ним путь.

— Думаю, выбирать там ему особенно не из чего. А на авеню он вряд ли появится вторично.

— Пожалуй,— кивнул Анри.

— От улицы королевы Бланш отходят два маленьких переулка.

— И там же есть еще улица Гобеленов,— добавил Анри.

— Как, по-твоему, он заметил, что Базине обратил на него внимание?

— Должен заметить, если, как и мы в свое время, постоянно держится начеку. Во всяком случае, он прекрасно знает, что в Париже любая пара глаз высматривает его.

Анри мысленно представил себе одинокого человека на углу под дождем: как он закуривает, как делает вид, что завязывает шнурок ботинка, как оглядывается и мучительно размышляет, последует ли за ним покупатель из магазина, как будто в это мгновение раскрывает позади него зонтик и внимательно осматривает плохо освещенную улицу в надежде увидеть и крикнуть на помощь кого-нибудь из знакомых.

Женэ поинтересовался у Брассара, хорошо ли он знает этот район.

— Неплохо. К востоку от авеню проживает более обеспеченная публика, но западнее, по склону холма, расположен бедный район, заселенный преимущественно рабочим людом. Есть там несколько бистро, старые склады...

Все вновь склонились над планом города.

— Тут пешком не более пяти минут в любом направлении,— произнес Женэ.

Часов в девять вечера старинная фабрика гобеленов и весь прилегающий район были незаметно оцеплены; на этой фабрике в течение столетий одними и теми же методами и, вероятно, на тех же самых станках выделывались самые красивые французские ткани. Детективы в штатском дежурили в подъездах, сидели за пивом в бистро и кафе на углах улиц; вокруг медленно циркулировали полицейские машины, останавливаясь в заранее условленных местах и все время поддерживая связь по радио с префектурой; там, в префектуре, Женэ быстро ходил из угла в угол в своем кабинете и курил одну сигарету за другой.

Двигаясь по внешней границе круга к центру, детективы переходили из дома в дом и опрашивали портье, лавочников, клиентов, официантов кафе и бистро.

Анри находился в машине Брассара. Комиссар долго не соглашался отпустить Анри на операцию, так что тот в конце концов рассердился. Он взглянул своему другу в лицо.

— Вы больше не доверяете мне?

Женэ помолчал и ответил вопросом на вопрос:

— А я могу тебе доверять?

— Вы это знаете.

Лицо Женэ прояснилось, он положил руку на плечо Анри.

— Да, да, тогда поезжай. В сущности, ты единственный из нас, кто видел этого типа в лицо.

В машине Анри и Брассар почти все время молчали. Только раз между ними произошел короткий разговор.

— Вряд ли он после всего рискнет остановиться в каком-нибудь пансионе или в меблированных комнатах,— заметил Анри.

— Но должен же он иметь крышу над головой, тем более что вчера шел дождь,— ответил

Брассар.— Не исключено, что он может пойти на известный риск.

— Ну, а как насчет какого-нибудь пустого склада или заброшенного навеса?

— Возможно.— Брассар повернулся к Анри и взглянул на него. Круглое добродушное лицо помощника комиссара уже не казалось мальчишеским. Это было лицо компетентного, уверенного в себе человека.— Поверьте, мосье, если понадобится, мы разберем эти здания по кирпичику.

Анри кивнул, и они вместе вошли в продуктовый магазинчик — обычный, как все продуктовые магазинчики и лавки: подносы с полуфабрикатами на прилавке и на полках, ветчина, куры, селедка в винном соусе, различные салаты, колбасы, сыры, очищенные улитки, бутылки вина, огромный круг масла.

Владелец магазина и его жена мало что добавили к сообщению Базине. Они его хорошо знали, он и жена частенько делали у них покупки. Запомнили они и другого покупателя, того, что заглянул к ним накануне вечером одновременно с Базине,— человека с сильным насморком. Побывал он у них всего раз. Где проживал, они не знали,— в соседних домах многие сдавали комнаты. Ни о каком новом жильце они ни от кого не слыхали, но это ничего не значит: квартиранты в меблированных комнатах меняются постоянно. Если кто-то проживает длительное время, вот тогда другое дело, но тех, кто останавливается только переночевать... Разумеется, если этот покупатель появится снова, они немедленно известят полицию.

Анри и Брассар вышли из магазина.

— Вы хотите поехать со мной дальше? — нерешительно спросил Брассар.

Анри покачал головой.

— Нет, я, пожалуй, пройдусь.

— Ну, вы знаете, как связаться со мной или с кем-нибудь из нас.

Усаживаясь в машину, Брассар подумал: «Бедняга!.. Но нам не следует терять головы. Все должно идти своим чередом».

Анри постоял у подъезда, посматривая на авеню Гобеленов. Это была обычная современная улица с ярко освещенными вывесками, довольно оживленная даже в этот унылый вечер. Не попытается ли Альберт затеряться в толпе? Возможно, хотя Анри соглашался с Жензэ, что Альберт, боясь опознания, будет избегать многолюдных улиц.

Анри медленно прошелся по авеню и, засунув руки в карманы, остановился на углу улицы королевы Бланш. Здесь он оглянулся — вероятно, как накануне вечером сделал Альберт, наблюдая за Базине,— и пошел дальше, замедляя шаг, чтобы взглянуть вдоль каждого из двух коротких переулков, уходивших направо и налево. Он и сам не сказал бы, что, собственно, ожидал увидеть, но, наверно, искал нечто такое, что могло бы оказаться приемлемым для Альберта хотя бы как временное убежище. В конце концов он пожал плечами и повернул обратно. Пусть полицейские сами занимаются этими улицами и этими обычными домами, заселенными беднотой.

Юноша пересек авеню и направился к улице Гобеленов. Плохо освещенная и безлюдная, она уже через несколько шагов уводила прохожего на несколько столетий назад. Все здесь, похоже, осталось таким же, как в те дни, когда по камням старинной мостовой громыхали на деревянных колесах повозки, пробираясь между вот этими же домами из массивных камней с тяжелыми дубовыми дверями на ржавых петлях, мимо этих слепых зданий, которые в прошлом использовались бог знает для чего, а теперь были заняты складами или пустовали. Ниже по склону холма рядами тянулись построенные лет сто назад пяти-шестиэтажные многоквартирные дома, мрачные и казавшиеся в этот вечер нежилыми из-за темных или чуть освещенных окон. Изредка попадалось бистро, где двое-трое рабочих допивали по последнему стакану пива или вина. Однако здесь, где находился Анри, он не видел никаких признаков жизни и не слышал никаких звуков. Он решил спуститься с холма.

Снова пошел мелкий, как туман, дождь. При свете тусклых фонарей блестели влажные камни мостовой. Анри поднял воротник пальто и нащупал в кармане фонарик, который вручил ему Жензэ.

«Такая же погода, как когда-то во время войны,— подумал он.— Как в ту ночь, когда я выслеживал в По предателя — как его имя? — и убил, прежде чем тот успел связаться с полицией».

Анри словно перенесся в те времена — его походка стала бесшумной, нервы напряглись до предела, уши улавливали самые слабые звуки, а глаза различали тени даже среди других теней.

«Может, Брассар и прав,— размышлял Анри,— и этот тип нашел какую-нибудь комнату или пансион, где не задают лишних вопросов, если человек аккуратно платит. Но думаю, что это не так. Он очень напуган — недаром он так поспешно сбежал из пансиона, а человек в подобном состоянии способен на любые крайности. Такой район, как этот... Случайно он наткнулся на него или уже бывал тут в прошлом? В конце концов теперь уже нет времени наводить справки. Если он здесь, мы обязаны его найти, вот и все. Как сказал Брассар, разберем все здания по кирпичику, если понадобится».

Анри бесшумно шел по скользким камням мостовой. Его внимание привлек черный, закругленный вверху прямоугольник — очевидно, подъезд расположенного через улицу здания. Анри перешел дорогу, провел рукой по стене и нащупал неплотно закрытую дверь.

Он проскользнул внутрь и остановился. К сырому, отдающему пылью воздуху примешивался слабый запах солода — в помещении, наверно, когда-то хранили пиво. Вынимая из кармана фонарик, Анри услышал слабый звук и почувствовал какое-то движение, хотя ничего не видел. Он напряг слух, и тот же звук снова донесся до него. В ноги ему что-то толкнулось, и в углу в полосе света от уличного фонаря показался большой черный кот с белыми пятнами. Анри мрачно улыбнулся и повел лучом из стороны в сторону; помещение оказалось пустым, луч фонарика выхватил из мрака лишь несколько старых ящиков и большой бочонок в углу.

Анри выбрался на улицу и отправился дальше, двигаясь теперь более уверенно и дергая каждую дверь, мимо которой проходил; черный кот не отставал от него ни на шаг. Он вскарабкался на навесы, тянувшиеся вдоль противоположной стороны улицы, и, без всяких усилий перепрыгивая с крыши на крышу, следовал за Анри, иногда останавливаясь и поводя хвостом.

Футов через пятьдесят улица делала поворот, а возможно, здесь ответвлялся от нее переулок. Из-за угла показался прохожий в поблескивающем мокром плаще и намокшей шляпе. Анри сунул фонарик в карман, достал пачку сигарет и направился ему навстречу.

— Прошу прощения, мосье, у вас не найдется спички?

Человек оказался в конусе света от уличного фонаря, и Анри увидел круглое, испещренное оспинами лицо и сердитые, подозрительно прищуренные глаза. Человек собирался пройти мимо, но передумал, нехотя пошарил по карманам и достал книжечку спичек. Он передал ее Анри и стал молча ждать.

— Благодарю,— сказал Анри, возвращая спички и протягивая сигареты.— Прошу.

Неприветливое выражение на лице незнакомца несколько смягчилось, он протянул руку и взял сигарету.

— Я ищу приятеля,— заговорил Анри, пока он закуривал.— Мой друг приехал сюда несколько дней назад, и я не знаю адреса. У него русые курчавые волосы, одет в светло-синий пиджак и серое кепи. Мы с ним вместе воевали.

Прикрывая сигарету ладонью от дождя, человек молча взглянул на Анри.

— Друг сказал, что живет всего в нескольких шагах от авеню, так что это, должно быть, где-то здесь.

Прохожий посмотрел на безлюдную улицу.

— Никто здесь не живет,— ворчливо сказал он.

— Вот и я так думаю,— засмеялся Анри.— Если только человек не бродяга или не уголовник, интересующий полицию.

Прохожий изучающе уставился на юношу.

— Ваш приятель — преступник?

— Не исключено,— осторожно ответил Анри.— Вы кого-нибудь видели?

— Нет.— Прохожий сплюнул, едва не угодив Анри на ботинок.— Мы тут не очень-то жалуем шпиков.

Он повернулся и зашагал в темноту.

— А знаете, есть возможность получить вознаграждение!

Человек сразу остановился, долго о чем-то размышлял, но в конце концов снова подошел к Анри.

— Вознаграждение?

— Можете убедиться.— Анри достал из кармана плакат и развернул. Прохожий взглянул на него и тут же сердито оттолкнул.

— Я ничего не знаю,— буркнул он и под моросящим дождем поплелся дальше; вся его грузная ссутулившаяся фигура выражала отвращение.

Некоторое время Анри смотрел ему вслед, а кот, устроившись на стене на другой стороне улицы, смотрел на Анри, и глаза его, отражая свет уличного фонаря, сверкали в темноте.

Звук удалявшихся шагов становился все глуше и глуше, пока не затих совсем, но Анри и кот все еще чего-то ждали. Наконец Анри повернул голову и посмотрел вниз, к подножию холма.

Улица, на которой он находился, пересекала внизу другую — светлую и оживленную. Из-за угла вышли двое. Один перешел дорогу и постучал в дверь убогого жилища, другой направился в бистро. Прежде чем за ним закрылась дверь, Анри увидел сквозь туман отблеск света, упавший из помещения на мостовую. Итак, полицейские уже орудовали в этом районе, обходя все дома по очереди, расспрашивая и наводя справки. Анри даже почудилось, что темнота вокруг него так и кишит ими. И все же они заблуждаются: искать Альберта следовало не там, не на светлой и оживленной улице, а где-то здесь, в темноте. Возможно, Альберт даже слышал, как Анри разговаривал с мрачным прохожим в плаще и, предупрежденный, стал вдвойне опасен.

Анри вернулся и возобновил поиски с того места, где прервал их, и, пробуя каждую дверь, постепенно снова подошел к углу улицы.

Кот на крыше навеса мяукнул, словно выражал свое сочувствие этому неизвестно почему блуждающему здесь доброму человеку. Анри повернулся и встретил блеск больших желтых глаз.

— Вот если бы ты, мой друг, умел говорить! — пробормотал он.— Уж ты-то наверняка хорошо знаешь тут каждую крысиную нору. Возможно...

Он умолк: от подножия холма до него донесся крик, один, потом другой. Анри прислушался. Где-то во дворе дома за фабрикой детский голос настойчиво призывал:

— Сюда, Бонбон, сюда! Кис-кис-кис!..

Анри взглянул на кота:

— Тебя разыскивают, дружок!

Продолжение следует.

Если в болгарском городе Шумене вы спросите кого-нибудь, кто такая Соня Николова, вам после минутного раздумья, наверное, ответят: «Николова? Ну, конечно, это наша Соня, которая чуть ли не с младенчества поет советские песни». Действительно, первой песней четырехлетней певицы, выступавшей на настоящей концертной эстраде, была «Катюша» Блантера. В горном Шумене, самый воздух которого, кажется, напоен песнями, маленькая певица стала всегдашней победительницей всех конкурсов и смотров художественной самодеятельности. Вместе с Соней рос ее репертуар, росла аудитория, популярность... Но наибольший успех неизменно приносили ей песни И. Дунаевского и А. Новикова, М. Блантера и В. Соловьева-Седого.

«Я с детства была влюблена в Советский Союз, в его людей, в ваши песни... И всегда знала, что эту любовь разделяют мои земляки. Наверное, поэтому меня так хорошо слушали». Сейчас эти слова говорит уже известная эстрадная певица, записавшая много пластинок, постоянно выступающая на самых больших концертных площадках.

Но профессиональной певицей Соня Николова стала вовсе не так скоро, как можно было ожидать, судя по ее блистательным дебютам. Даже после окончания Варненского музыкального училища она не сразу сделала пение своей единственной профессией. «Мне всегда хотелось и петь и обязательно работать с людьми». Молодежь знала Соню далеко за пределами Шумена. И не только как певицу, но и как самого неугомонного, энергичного, неистощимого на новые идеи организатора комсомольской работы. Несколько лет подряд ее избирали в областной комитет комсомола.

С комсомольской делегацией Соня Николова впервые приехала в нашу страну. Эта поездка сыграла большую роль в ее жизни. Девушка наконец-то своими глазами увидела все, о чем столько читала, слышала, мечтала... И здесь же, оказывается, жил тот, кому предназначалась ее любовь.

Песни, которые Соня пела, вернувшись в Болгарию, звуча-

ПЕСНЯ ДЛЯ ВАС

ли уже не только для слушателей, собравшихся в концертном зале, но и для того единственного человека, которого она полюбила в Советской стране. Ласковый голос Сони Николовой рассказывал о том, что бывает с каждым: о первом свидании, о случайной ссоре с любимым, о словах, сбереженных в сердце, о горечи разлуки... Она пела для всех, но было что-то в ее голосе, глазах, руках, протянутых к зрителю, что относилось к каждому в отдельности, делало диалог певицы и человека в зале интимным, неслышным для соседа. Эта особенность исполнительской манеры Сони Николовой всегда подкупает душу слушателя, делает его другом певицы.

Соня выступала по телевидению, пела на радио и ждала. Ждала писем из Советского Союза, написанных таким близким, любимым почерком...

Вот уже три года, как Соня Николова живет в нашей стране. Наши зрители давно полюбили певицу, так трогательно и бережно исполняющую лирические советские песни. Они с радостью знакомятся с болгарскими мелодиями, веселыми, зажигательными, которые она им дарит. Жизнерадостный Сонин характер проявляется и в современных ритмичных шлягерах, где можно дать волю своему сильному голосу и станцевать модный «Казачок». Но все-таки лучшими у Сони Николовой всегда остаются лирические песни, то лукавые и немножко насмешливые, то ласковые и грустные. Когда вы слышите в исполнении певицы «Последний вальс» или «Обещала не прощать», не покидает ощущение, что Соня поет это только для вас.

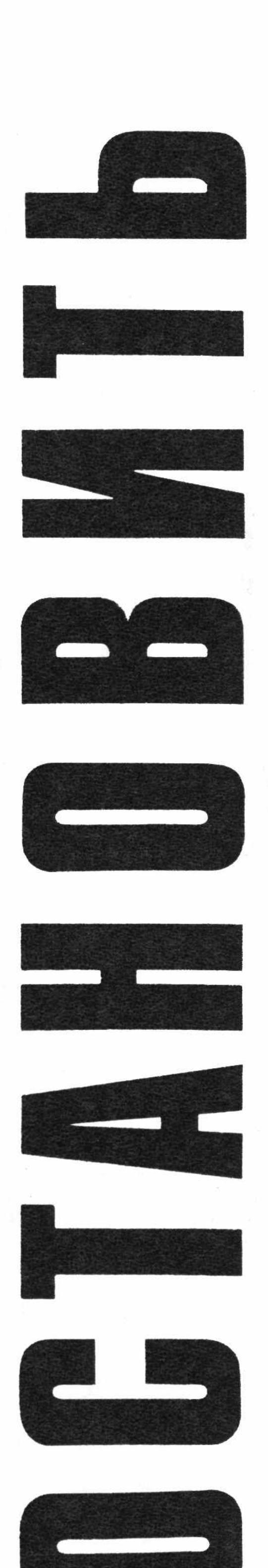
«Больше всего я люблю вальс,— признается певица.— И я уверена, что в скором времени мы ощутим, как нам не хватает его легкой, душевной напевности. «Цыганочки», «Казачки» — это мода. А лирический вальс вечен. Мне очень хочется показать программу, где будут только вальсы: советские, болгарские, французские, итальянские... По-моему, у каждого человека в жизни должен быть свой вальс. Может быть, мне удастся подарить его кому-то?»

О. ПРОКОПЕНКО

Соня Николова в редакции журнала «Огонек».

Фото А. Бочинина.

ПОЗОРНУЮ РАСПРАВУ!

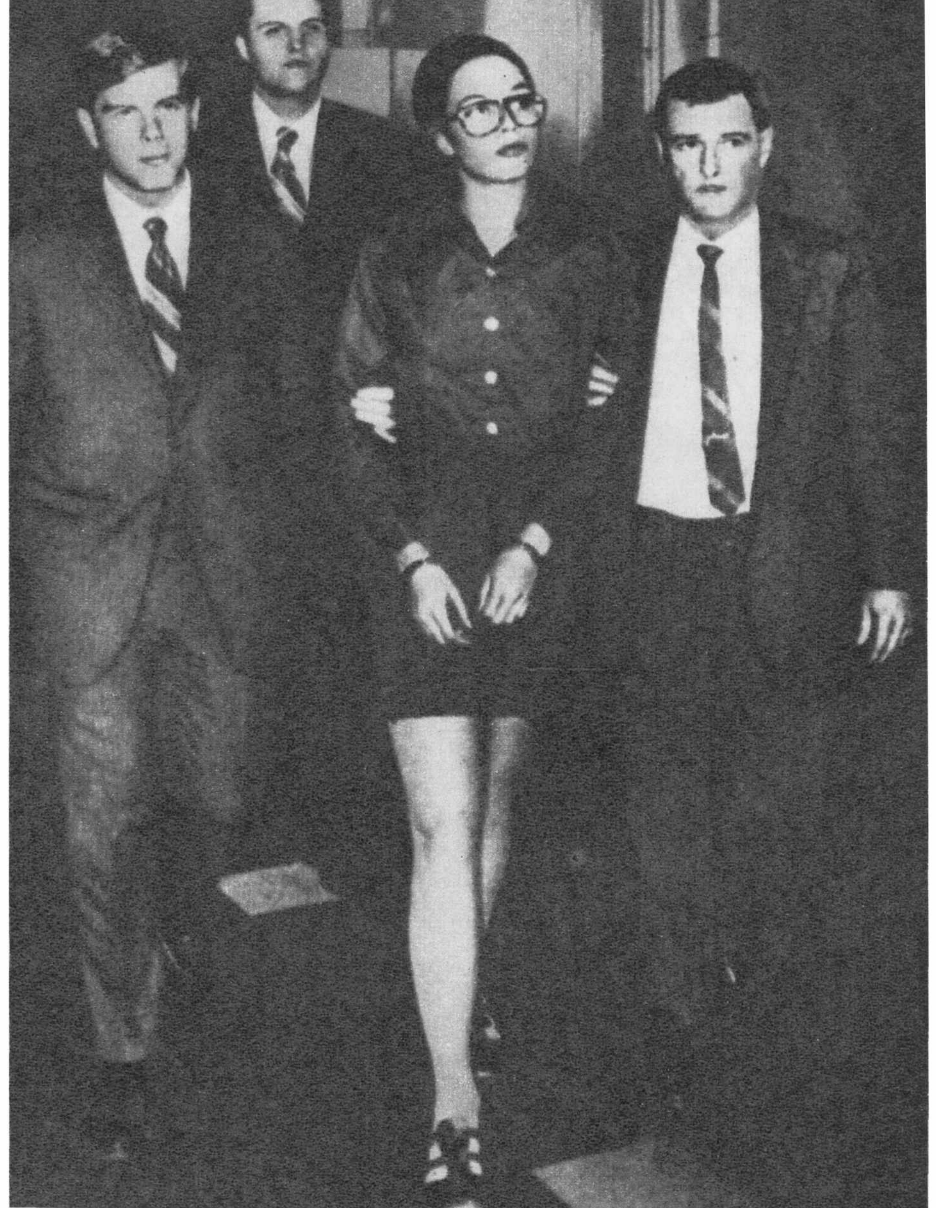

Фото из журнала «Ньюсуик»

Имя этой девушки ныне известно во многих странах мира.

Над Анджелой Дэвис, 26-летней коммунисткой, известной общественной деятельницей, активисткой негритянского и антивоенного движения, нависла смертельная угроза. И в эти дни внимание миллионов людей было приковано к тому, что происходило в зале нью-йоркского суда, где слушалось так называемое «дело» Анджелы Дэвис.

В стране процветающей буржуазной «демократии», где насилие стало государственной политикой, идет суд над силами, враждебными реакционной Америке. Эти силы не желают склониться перед чудовищной машиной капиталистического государства, направленной на подавление человеческой личности и свободы. Террором и беззаконными судебными преследованиями пытаются власти остановить движение протеста против американской агрессии в Юго-Восточной Азии и расовой дискриминации. Но движение это с каждым днем набирает силы, и в ответ гуверовская охранка при благословении Белого дома повела охоту за теми, кто стал знаменем прогрессивной Америки.

Анджела Дэвис — преподавательница Калифорнийского университета. Ее борьбу в защиту американского народа можно назвать поистине героической. Сфабрикованное властями фальшивое обвинение в причастности ее к «заговору террористов», на основании которого нью-йоркский суд вынес решение выдать молодую патриотку расистам Калифорнии для расправы,— этот неслыханный акт произвола мракобесов вызвал взрыв негодования по всей Америке.

«Свободу Анджеле!» — это требование звучит на многочисленных митингах протеста, которые проходят в разных районах страны. И сегодня этот призыв, перешагнув границы Америки, разнесся по всей планете. Прогрессивная международная общественность ряда стран Европы, Азии, Африки подняла голос протеста против позорного судилища в Нью-Йорке, цель которого не только ошельмовать лучших представителей американского народа, но и усилить террор по всей стране.

На стороне мужественной коммунистки — миллионы людей доброй воли, и советские люди вместе с ними требуют: «Остановить позорную расправу! Анджела Дэвис должна быть освобождена!»

ВОТ ОНА „СВОБОД... Л...

Недавно, возвращаясь из Мексики, мне пришлось в ожидании рейса самолета в Москву провести три дня в Нью-Йорке. Срок небольшой, но для человека, который был в этом городе десять лет назад, он был достаточным, чтобы заметить перемены. А их было немало.

Выросли новые небоскребы, подорожала жизнь, особенно поднялись цены на продовольствие и товары широкого потребления, появились толпы наркоманов на вечерней Таймс-сквер и бородатая молодежь — хиппи.

Только Гарлем, казалось, не изменился: захламленные мусором улицы, дети, играющие на тротуарах, облезлые фасады домов. По-прежнему на перекрестках «клубы» безработных, перенаселенные дома и бедность, бедность, удручающая бедность... Гарлем, расположенный в самом центре Манхэттена,— известное миру своей печальной славой негритянское гетто. Издавна Манхэттен называли «негритянской столицей» Америки. Здесь появились первые негритянские театры, прославленные джаз-оркестры, первые негритянские газеты. Отсюда вышли многие негритянские писатели, знаменитые артисты, спортсмены. Здесь складывались духовные традиции негритянского народа, зарождались массовые движения.

В 1964 году в Гарлеме вспыхнуло восстание негров в знак протеста против убийства полицейскими подростка. Это восстание поддержали негритянские гетто в Лос-Анджелесе, Детройте, Нью-Йорке, по всей стране. Профессор гарлемского колледжа, известный социолог Кеннет Кларк сравнивает негритянское гетто американских городов с «ядерным зарядом, способным уничтожить ту основу, на которой зиждется Америка».

Гарлем мне показался тем же только внешне. Приглядываясь к его обитателям, я увидел, что у них пробудилось чувство гордости, уважения к себе. Если порой оно приобретает внешне вызывающий характер, то это можно объяснить скорее реакцией на постоянную враждебность белых расистов. Надо сказать, что люди с белой кожей порою чувствуют себя неуютно в Гарлеме. На одной из улиц ко мне подошел негр-бородач и потребовал:

— Колл ми «мистер»! (Назовите меня мистером!)

Я понимающе улыбнулся и удовлетворил его просьбу. Ведь с детских лет этого человека постоянно унижали, называли оскорбительными прозвищами и считали за человека «второго сорта». Теперь американские негры не желают терпеть клейма второсортности. Те, кто учится в университетах, требуют введения программ по изучению негритянской истории и культуры, чтобы в учебниках была отражена роль негритянского народа в истории США.

Негры полны решимости отстоять свои гражданские права. Конечно, просьба юноши назвать его мистером — это шалость, но большинство американских негров ведут организованную борьбу за

— Вы меня сфотографировали, дайте пятьдесят центов.

Хиппи и наркоманы, наркоманы и хиппи...

...ная ...ичность"

свои права, которая пользуется симпатиями всего прогрессивного человечества.

Внешне Гарлем все тот же. Но он стал другим.

В Гринвич . вилледж перемены сразу же бросаются в глаза. Огромное количество хиппи и наркоманов. Когда-то поездка в Гринвич вилледж ассоциировалась с визитом в мир искусства. Десять лет назад я видел здесь много художников, студий. Бывал в кафе, где можно было оказаться за одним столиком с известным писателем. Теперь же здесь хиппи и наркоманы, наркоманы и хиппи.

Надо сказать, что хиппи охотно взяли на себя роль музейных экспонатов за деньги.

— Вы меня сфотографировали, дайте пятьдесят центов,— сказал мне, не вынимая сигареты изо рта, гигант с распущенной гривой.

— На что вы живете? — спросил я девушку, которая, извиваясь и приплясывая, видимо, под воздействием наркотиков, приблизилась ко мне.

— Я и еще три девушки живем в одной комнате. Работаем по очереди — судомойками или собираем помои. Заработка нам хватает: было бы что пожевать с утра и глоток пива вечером. У нас свой мир...

Да, у наркоманов свой мир. Это люди, выброшенные из жизни социальными несправедливостями, люди-полутрупы. Это продукты Его Препохабия капитализма.

В. ДМИТРИЕВ

— Было бы что пожевать с утра и глоток пива вечером.

СЮРПРИЗЫ, СЮРПРИЗЫ...

Сало ФЛОР, международный гроссмейстер

Когда в первом туре встретились два Роберта: Роберт Фишер, которого все эксперты называли наиболее вероятным победителем межзонального турнира, и Роберт Хюбнер из ФРГ,— шахматный мир был удивлен результатом этой партии: американский Роберт не сумел победить никому не известного европейского. Кончилась первая половина турнира, и вот этот неизвестный Хюбнер ворвался в шестерку наравне с В. Ульманом из ГДР. И еще один сюрприз: мастер Э. Мекинг вклинился в лидирующую группу, которую возглавлял наш Геллер до того момента, когда в 12-м туре нарушил свой идеальный график: победа — ничья — победа — ничья и проиграл Фишеру в ладейном окончании, которое расценивалось как явно ничейное. Грубая ошибка привела к тому, что Геллер потерпел первое поражение.

Возможно, что в отдельных партиях Фишеру помогает фортуна, но случайно у шести гроссмейстеров выиграть невозможно, а среди поверженных Фишером после 14 туров находились Горт, Решевский, Смыслов, Ивков, Филип и Геллер.

Полезно прислушаться к мнению чемпиона мира Б. Спасского. На встрече в Центральном шахматном клубе с космонавтами чемпион мира высоко оценил мастерство Фишера и заявил, что его надо считать самым опасным претендентом в борьбе на первенство мира.

Началась вторая половина турнира, и кое-кто понял, что на одних ничьих не доедешь. Борьба значительно обострилась даже в тех партиях, в которых встречались гроссмейстеры между собой. Сильнейшими считалась до 12-го тура тройка Полугаевский — Геллер — Ивков, которым, кстати сказать, по воле жребия достались первые три номера. Но вот в 12-м туре Фишер нанес первое поражение Геллеру, а в 13-м туре огорчил и Ивкова, а затем и Полугаевский умудрился проиграть Смыслову. А ведь у него в турнирной графе зафиксирована еще и целая дюжина ничьих.

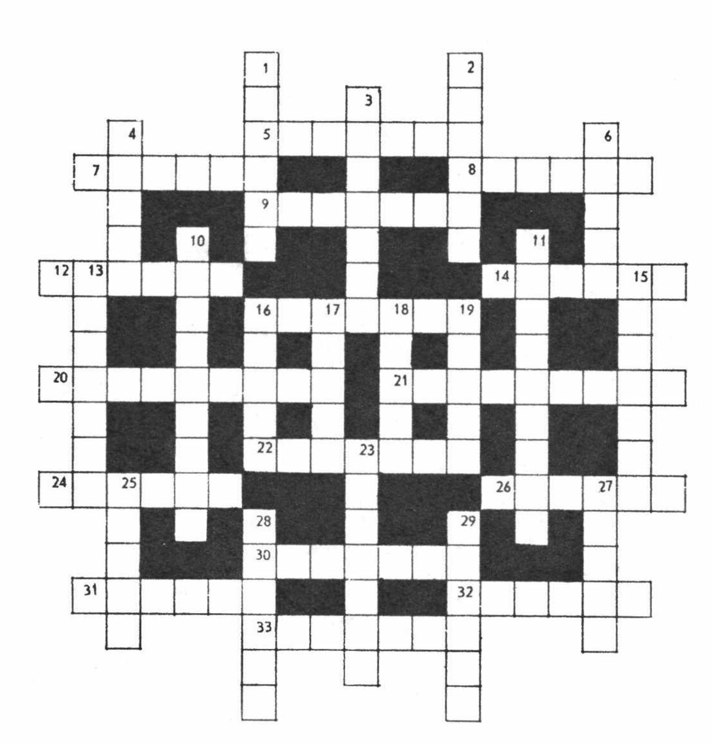
После первой половины турнира стало ясно, что среди участников турнира есть и такие, которые довольно щедро питают лидеров единичками. И вот Тайманов, которому надоела длинная серия ничьих и проигрыш Ивкову (Тайманов в этой партии отказался от ничьей), выиграл четыре партии подряд и сразу оказался в шестиместном претендентском купе. Но окончательно до конца турнира место в этом купе обеспечил себе лишь Фишер, остальным же «пассажирам», а их около двенадцати, придется понервничать чуть ли не до последнего тура.

А как же с Ларсеном? Разве он еще не в порядке? Нет, ему далеко до порядка. Победа в партии с Фишером — большой моральный успех датчанина, но в 14-м туре Ларсен не сумел победить даже Аддисона. И вот еще одна сенсация: после 18-го тура Ларсена не было в первой шестерке. Зато у Фишера все шло без сюрпризов. Он выиграл у Рубинетти, а затем и у самого Ульмана, снова возглавив турнирное шествие.

Значительно укрепил свои позиции Геллер, добившись победы над Смысловым. Перед решающим рывком у него была отличная позиция. Впереди только Фишер! Но зато вплотную за ним шли Глигорич и Ульман, отставая всего на пол-очка.

Кто же еще занимал места в претендентском купе? Полугаевский и Тайманов, который, правда, должен был потесниться и предоставить рядом с собой место неутомимому Мекингу. Но о какой шестерке сейчас можно говорить, когда в купе рвутся такие шахматисты, как Ларсен, Хюбнер и Панно? И вот уже после девятнадцатого тура Ларсен, победив Нараньи, занял в купе место под номером три, а Полугаевский, проиграв Решевскому, оказался лишь седьмым. Укрепил свои позиции молодой Хюбнер, а на следующих двух местах расположились сразу трое: Тайманов, Портиш и Мекинг.

Перед решающим рывком на места в заветной шестерке претендуют по крайней мере десять шахматистов. Что ж, вполне возможно, что судьям придется прибегнуть к услугам фотофиниша.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Русский землепроходец. 7. Высокий сосуд. 8. Бег лошади. 9. Болгарский смычковый инструмент. 12. Штат в США. 14. Прозрачная бумага или тонкая ткань, применяемая при черчении. 16. Озеро в Венгрии. 20. Курорт в Карелии. 21. Овощ. 22. Народный писатель Белоруссии. 24. Драгоценный камень. 26. Советский физиолог. 30. Небольшая поляна. 31. Яркая звезда в созвездии Ориона. 32. Народный поэт Латвийской ССР. 33. Оперетта Н. М. Стрельникова.

По вертикали: 1. Спортивный снаряд. 2. Стихотворение А. С. Пушкина. 3. Польский народный танец. 4. Роман И. С. Тургенева. 6. Судостроительное предприятие. 10. Автор оперы «Дубровский». 11. Снаряжение охотника. 13. Птица отряда куликов. 15. Пристройка у входа в дом. 16. Лист бумаги с печатным заголовком. 17. Вьющееся растение. 18. Бухта моря Лаптевых. 19. Город в Эстонии. 23. Древнегреческий философ и математик. 25. Накладные волосы. 27. Цветок. 28. Остров на Байкале. 29. Единица электрической емкости.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали: 7. Планер. 8. Атташе. 9. Глаголица. 10. Фибра. 12. Тираж. 14. Конда. 16. Мортира. 18. «Спартак». 20. Дельфин. 21. Сардина. 23. Концерт. 24. Какао. 25. Трюмо. 28. Вятка. 30. Плацкарта. 31. Шаблон. 32. Изотоп.

По вертикали: 1. Курага. 2. Плакат. 3. Капри. 4. «Дикарка». 5. Комитас. 6. Ласка. 11. Роттердам. 13. Ирригация. 15. Нальчик. 17. «Рудин». 19. Панно. 22. Аксаков. 23. Коврига. 26. Регби. 27. Опенок. 28. Ваниль. 29. Каюта.

На первой странице обложки: Друзья. Совхоз «Волочанский» на Таймыре.

Фото Л. Устинова (АПН).

На последней странице обложки: С вершины.

Фото Л. Бородулина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, Н. М. СЕРГОВАНЦЕВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

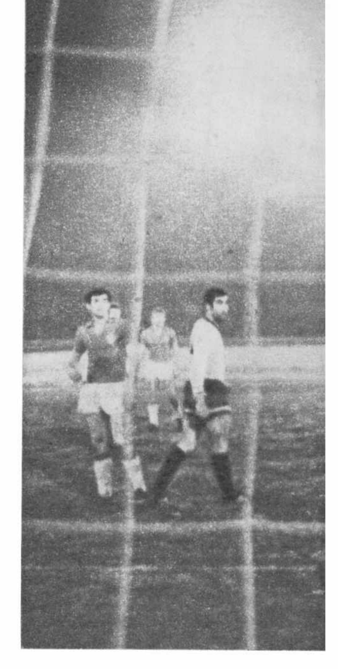
Оформление Л. И. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 24/XI-70 г. А 00508. Подп. к печ. 8/XII-70 г. Формат бумаги 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2472. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 3382.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ Фото А. БОЧИНИНА.

ЭТО Б

Когда после ста двадцати минут безрезультатной борьбы первого матча белые и красные — динамовцы и армейцы покидали поле ташкентского стадиона, я посмотрел на лицо Константина Бескова и подумал, что мы, зрители, наверное, не до конца поняли все невероятное напряжение этой игры. Лицо испытанного бойца, тренера команды «Динамо» поражало своим неестественным спокойствием, быть может, особенно красноречивым, потому что рядом с ним шел Володя Пильгуй, от бровей до носков своих бутсов забрызганный грязью, истинный герой этого матча.

Фотокорреспонденты имеют завидную привилегию видеть матч на уровне футбольного поля, совсем вплотную к игре, в то время как репортеры вынуждены наблюдать за ним из ложи прессы, которая, как правило, находится на самой стадионной верхотуре. Но на сей раз благодаря гостеприимным ташкентским хозяевам я получил возможность не разлучаться с моим соавтором и оказался вместе с ним за воротами Пильгуя. В течение часа я видел его рядом и мог совсем в ином ракурсе увидеть действия вратаря. Пильгуй был в воротах, и не просто в воротах, а в той точке их необъятного пространства, где ему надо было быть в данный момент. Он был в воздухе и на земле, а иногда непостижимым образом и там и тут одновременно... Будем откровенны: ведь теперь, когда уже все позади и судьба первенства решена, нам совершенно ясно, сколько сделал молодой динамовский вратарь для своей команды в тот первый день и чего ему это стоило!

Говорят, что Лев Яшин объявил, что не покинет ворота, пока на подготовит себе преемника. Очень похоже на то, что этот преемник скоро появится. Да, появится, несмотря на печальную восемьдесят шестую минуту второго матча, когда Пильгуй, до этого взявший непостижимое множество труднейших мячей, пропустил один, простой, наверняка берущийся, и позволил армейцам выйти вперед.

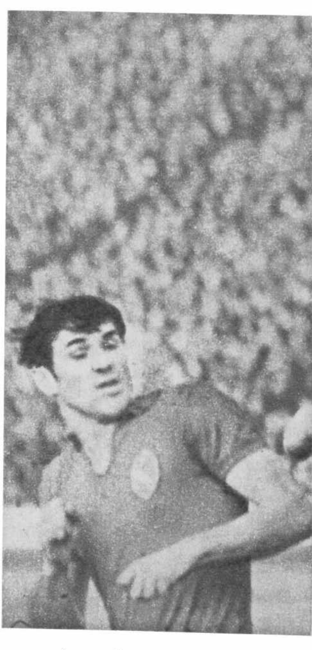
Как же контрастны эти два матча! Как белый и красный цвета. Как десяток верных голов, которые взял Пильгуй, и один легкий мяч в правый нижний угол своих ворот, который он пропустил. Как два нуля, простоявшие на табло все сто двадцать минут в первый день, и цифры 3 : 1, возникшие на второй на протяжении всего лишь семнадцати минут первого тайма. Как бесцветная игра Владимира Федотова в первый день и блистательная во второй. Как футбол оборонительный и футбол открытый, наступательный.

Да, это были поистине матчи-антиподы. Дымилась сигара в руке Константина Бескова — верный знак его предельного волнения, и Валентин Николаев, видимо, в том же волнении разом исчерпал во втором матче все свои возможности влиять на ход игры уже в первом тайме, произведя две замены.

Сейчас нет нужды описывать все течение этого бесконечного, двухдневного матча, который в самом деле нельзя делить пополам. В нем было столько неиспользованных возможностей, столько трагических поворотов! И, пожалуй, не меньше до начала игры было прогнозов и мнений. Выиграют динамовцы... Выиграют армейцы... Все решится в первый день... Нет, во второй... Но ведь Бахрамов, главный судья, заказал себе билет на самолет на пятое число... Но дирекция стадиона заказала второй комплект билетов на шестое число.

Теперь все эти сомнения кажутся смешными и наивными. Думается, что не было такого знатока ни в динамовском, ни в армейском стане, который бы заранее знал, что ему предстоит.

Да, это был поистине большой футбол, который нам, увы, удается видеть не так уж часто. Поблагодарим же и красных и белых за доставленное удовольствие.

Армейские нападающие

Команда ЦСКА — чемпион СССР 1970 года. Сидят — Ю. Истомин, В. Федотов, А. Кузнецов, В. Дударенко, В. Старков, В. Уткин, Н. Долгов. Стоят — В. Капличный, тренер В. Николаев, М. Плахетко, А. Шестернев, Ю. Пшеничников, тренер А. Мамыкин, Б. Копейкин, врач И. Боднарук, В. Поликарпов и В. Афонин.

Армейцы атакуют ворота «Динамо».

Альберт Шестернев и Владимир Федотов в споре за мяч с динамовцем В. Масловым.

Б. Копейкин и В. Поликарпов в борьбе с В. Смирновым.

Перед началом матча представители славного Ташкента вручили сувениры спортсменам и судьям. Подарок получает главный судья Тофик Бахрамов.

ЫЛА ИГРА!..

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663.